

Совет по правам человека

Тридцать седьмая сессия

26 февраля – 23 марта 2018 года

Пункт 4 повестки дня

**Ситуации в области прав человека,
требующие внимания со стороны Совета****Доклад Независимой международной комиссии
по расследованию событий в Сирийской Арабской
Республике****Резюме*

На протяжении более чем шести лет Комиссия занимается независимым и беспристрастным документированием серьезных нарушений прав человека и положений международного гуманитарного права, совершаемых сторонами конфликта в Сирийской Арабской Республике, который уже унес сотни тысяч жизней. Подобные нарушения заставили более половины жителей страны покинуть свои дома. С самого начала данный конфликт характеризовался полным пренебрежением к гражданскому населению, которое якобы представляют его стороны, и к нормам международного права.

В настоящем докладе вновь демонстрируется, что мирные жители не только становятся случайными жертвами насилия, но и сознательно выбираются в качестве мишеней для применения незаконных средств и методов ведения войны. Произвольные аресты, насильственные исчезновения, пытки и сексуальное и гендерное насилие – все это используется против тысяч человек, содержащихся под стражей. В ходе многократных нападений на медицинские учреждения, школы и рынки уничтожаются жизненно важные объекты гражданской инфраструктуры. В условиях осады и отказа в жизненно необходимой поддержке гуманитарная помощь превратилась в орудие войны и используется для того, чтобы поставить гражданское население и стороны конфликта перед выбором – голодать или сдаться.

Несмотря на целый спектр подобных нарушений, сирийским жертвам отказано даже в малой толике справедливости. В настоящем докладе Комиссия заявляет о своем намерении помочь жертвам добиться правосудия, активно занимаясь этим вопросом в свете меняющейся ситуации на местах в Сирийской Арабской Республике, а также непрекращающихся усилий усадить стороны конфликта за стол переговоров. Эти события становятся источником новых трудностей – и новых возможностей – в сфере восстановления справедливости для жертв. Тем не менее они потребуют от всех заинтересованных сторон подтверждения того, что требования жертв об обеспечении правосудия и подотчетности являются одним из центральных элементов любого урегулирования конфликта за столом переговоров и любого долговременного способа достижения мира. Не может быть никаких компромиссов между этой целью и жизнеспособным политическим решением.

* Приложения к настоящему докладу воспроизводятся в том виде, в котором они были получены, только на языке оригинала.

Содержание

	<i>Стр.</i>
I. Мандат и методология	3
II. Вступительные замечания	3
III. Политические и военные изменения	7
IV. Падение «Исламского государства Ирака и Леванта»	10
A. Эр-Ракка	10
B. Дайр-эз-Заур	13
V. Внутренне перемещенные лица	15
VI. Возвращенцы и препятствия к возвращению	15
VII. Лица, содержащиеся под стражей, и пропавшие без вести	17
VIII. Жизнь в осаде	18
IX. Разрушение гражданской инфраструктуры	18
A. Больницы	19
B. Школы	19
C. Рынки	20
X. Рекомендации	20
Приложения	
I. Map of the Syrian Arab Republic.....	22
II. Siege of eastern Ghutah (Rif Damascus).....	23
III. Internally displaced persons	30
IV. Erosion of civilian infrastructure.....	35

I. Мандат и методология

1. В настоящем докладе, представленном во исполнение резолюции 34/26 Совета по правам человека, Независимая международная комиссия по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике излагает выводы по итогам расследований, проведенных в стране с 8 июля 2017 года по 15 января 2018 года¹.
2. Комиссия использовала методологию, основанную на передовой практике комиссий по расследованию и миссий по установлению фактов. Информация из первых рук собиралась посредством собеседований с жертвами и свидетелями событий в Сирийской Арабской Республике.
3. В общей сложности было проведено 513 собеседований в очном и дистанционном режимах. Комиссия сталкивалась с многочисленными трудностями, связанными с безопасностью опрашиваемых лиц, особенно в районах, контролируемых Исламским государством Ирака и Леванта (ИГИЛ). В Эр-Ракке и Дайр-эз-Зауре многие лица, опрошенные Комиссией, имели ограниченный доступ к мобильным телефонам и интернет-соединениям. Во всех случаях Комиссия руководствовалась принципом «не навреди».
4. Комиссией были собраны, рассмотрены и проанализированы материалы спутниковой съемки, фотографии, видеозаписи и медицинские отчеты. Кроме того, были изучены сообщения государств-членов и доклады Организации Объединенных Наций и неправительственных организаций.
5. Критерий доказанности считался соблюденным, если Комиссия получала надежную информацию, дающую разумные основания полагать, что произошедшие инциденты соответствуют их описанию и что нарушения были совершены изобличенной стороной.
6. Расследования Комиссии по-прежнему серьезно ограничиваются отказом в доступе в Сирийскую Арабскую Республику.

II. Вступительные замечания

7. На протяжении более чем шести лет Комиссия занимается независимым и беспристрастным документированием серьезных нарушений прав человека и положений международного гуманитарного права, совершаемых сторонами конфликта в Сирийской Арабской Республике, который уже унес сотни тысяч жизней и сделал множество людей калеками или пожизненными инвалидами. Более половины жителей страны были вынуждены покинуть свои дома, и свыше 13,5 млн человек нуждаются в гуманитарной помощи.
8. То, что в марте 2011 года начиналось как мирные демонстрации с призывами к реформам, было встречено суровым отпором со стороны сил государственной безопасности и вооруженных сил Сирии, а затем трагически переросло в немеждународный вооруженный конфликт, характеризующийся полным пренебрежением сторон конфликта к жизни гражданского населения и к положениям международного права. Мирные жители не только становятся случайными жертвами бессмысленного насилия, но и зачастую сознательно выбираются в качестве мишеней для применения незаконных средств и методов ведения войны, используемых все большим числом региональных и международных субъектов.
9. Комиссия тщательно и скрупулезно документирует, анализирует, проверяет и представляет Совету по правам человека, Генеральному секретарю, Генеральной Ассамблее, региональным органам и международному сообществу информацию об этой трагедии, которую можно было бы остановить. Вместо этого участие различных

¹ В состав Комиссии входят Паолу Сержиу Пиньейру (Председатель), Карен Кёнинг Абу-Заяд и Ханны Мегалли.

региональных и международных субъектов и спонсоров способствовало продолжению и эскалации конфликта, а не его прекращению.

10. Все это время Комиссия сообщает о систематических нарушениях прав человека и норм международного гуманитарного права, включая произвольные аресты, пытки в заключении, насильственные исчезновения, сексуальное и гендерное насилие, нападения на медицинские учреждения, школы и рынки, неизбирательные нападения и преднамеренные нападения на гражданское население. Ни одна из сторон не соблюдает своих закрепленных в международном гуманитарном праве или международном праве прав человека обязательств защищать мирных жителей, объекты инфраструктуры, необходимые для поддержания их жизни и сохранения средств к существованию, или особо охраняемые места, которые являются основой их сообществ. В условиях осады и отказа в жизненно необходимой поддержке гуманитарная помощь превратилась в орудие войны и используется для того, чтобы поставить гражданское население и стороны конфликта перед выбором – голодать или сдать.

11. В число основных задач членов Комиссии по расследованию входили документирование всех серьезных нарушений прав человека и военных преступлений, изобличение ответственных за их совершение, привлечение виновных к ответу за их преступления и помощь жертвам в восстановлении справедливости. Работа по привлечению к уголовной ответственности через Международный уголовный суд пока остается безрезультатной, несмотря на все усилия Совета по правам человека, Комиссии, многих государств-членов, приверженных делу поощрения международного правосудия, и бесчисленных групп гражданского общества. Попытки передать дело о положении в Сирийской Арабской Республике в Международный уголовный суд не продвигаются дальше обсуждения в Совете Безопасности. Возможно, более успешным будет обращение к универсальной юрисдикции, и мы приветствуем тот факт, что число подобных дел, рассматриваемых в рамках национальных юрисдикций, растет.

12. Кроме того, в декабре 2016 года государства – члены Генеральной Ассамблеи приняли резолюцию 71/248, направленную на поощрение привлечения к уголовной ответственности инновационным путем, посредством учреждения международного беспристрастного и независимого механизма для сбора, обобщения, обеспечения сохранности и анализа доказательств наиболее серьезных международных преступлений, совершенных в ходе вооруженного конфликта в Сирийской Арабской Республике. Цель данной деятельности должна заключаться в подготовке материалов дел, с тем чтобы облегчить разбирательства в международных и национальных судах, готовых осуществлять судебное преследование виновных в гнусных преступлениях, совершенных в ходе войны в Сирийской Арабской Республике. Комиссия приветствует эту инициативу в качестве шага вперед в деле привлечения виновных к ответственности и будет тесно сотрудничать с механизмом, помогая ему в достижении этой цели.

13. Что касается помощи жертвам в восстановлении правосудия, то в течение предстоящего года Комиссия намерена активно заниматься этим вопросом в свете меняющейся ситуации на местах в Сирийской Арабской Республике, а также непрекращающихся усилий усадить стороны конфликта за стол переговоров. Эти события становятся источником новых трудностей – и новых возможностей – в сфере восстановления справедливости для жертв. Тем не менее они потребуют от всех заинтересованных сторон подтверждения того, что требования жертв об обеспечении правосудия и привлечении виновных к ответственности являются одним из центральных элементов любого урегулирования конфликта за столом переговоров и любого долговременного способа достижения мира и что не может быть никаких компромиссов между этой целью и политическим решением.

14. Комиссия обязана отдать приоритет связанным с правосудием нуждам и потребностям сирийского народа, мирных жителей, которые попали в ловушку или стали заложниками этого бессмысленного конфликта, страдая от ужасающих лишений и несправедливости. Поэтому Комиссия будет стремиться использовать накопленные

знания, опыт и процессы проверки, разработанные за последние шесть лет, с тем чтобы помочь жертвам добиться справедливости, которая до сих пор от них ускользала.

15. В настоящем докладе Комиссия подчеркивает необходимость найти выходящие за рамки призывов к привлечению к уголовной ответственности практические средства защиты от нарушений, которые она продолжает документировать, и начать поиск решений, которые можно было бы реализовать в ближайшем будущем для укрепления доверия между сторонами, ведущими переговоры о политическом урегулировании, или использовать в качестве движущей силы инициатив международного сообщества в области укрепления усилий по формированию реального процесса достижения устойчивого мира. В обоих случаях помещение нужд жертв во главу угла инициатив и переговоров является обязательным.

16. Комиссия желает напомнить сторонам конфликта и их спонсорам, координаторам мирных переговоров и международному сообществу, что серьезные нарушения, совершенные с начала конфликта, должны рассматриваться как часть любого процесса, направленного на прекращение конфликта и достижение устойчивого мира.

17. Соответственно, Комиссия желает предложить Совету по правам человека следующие принципы и инициативы, которых следует придерживаться, предпринимая любые усилия, направленные на прекращение конфликта. Их также можно использовать в течение следующего года в качестве критериев или напоминаний о том, что можно сделать немедленно в рамках мер по укреплению доверия, что нужно сделать сразу после прекращения боевых действий и какие механизмы необходимо создать для достижения своевременного прогресса по насущным проблемам прав человека, решение которых поможет обеспечить устойчивый мир:

a) немедленно положить конец всем преднамеренным и неизбирательным нападениям на гражданское население, включая, в частности, захват заложников, исчезновения, пытки, казни без надлежащего судебного разбирательства, сексуальное и гендерное насилие и все акты коллективного наказания, особенно осады;

b) предоставить независимым наблюдателям и, как минимум, гуманитарным организациям, таким как Международный комитет Красного Креста, немедленный и безусловный доступ во все места содержания под стражей. При этом положить конец практике содержания заключенных без связи с внешним миром или в тайных местах и представить полные перечни имен всех лиц, содержащихся под стражей. Это позволит властям начать процесс составления списков пропавших без вести или исчезнувших лиц;

c) в рамках любого достигнутого в процессе переговоров соглашения учредить механизм, позволяющий оперативно освободить всех политических заключенных и лиц, произвольно содержащихся под стражей, и начать этот процесс сразу после подписания соглашения. Тем временем, пока продолжаются переговоры, необходимо уделить особое внимание немедленному освобождению наиболее уязвимых заключенных, включая детей, женщин, пожилых людей и инвалидов. Эти действия могут считаться мерами по укреплению доверия и применяться ко всем сторонам конфликта;

d) обеспечить отсутствие помилований или амнистий для лиц, ответственных за заказ или совершение грубых нарушений прав человека и международных преступлений, таких как военные преступления, преступления против человечности или геноцид;

e) оговорить в любом соглашении немедленный и своевременный доступ и доставку гуманитарной помощи во все затронутые конфликтом регионы в тесном сотрудничестве с учреждениями Организации Объединенных Наций, присутствующими в Сирийской Арабской Республике;

f) сразу после прекращения боевых действий содействовать процессу безопасного и достойного возвращения перемещенных сирийцев и тех, кто был

вынужден искать убежища за пределами страны, в тесном сотрудничестве с соответствующими учреждениями Организации Объединенных Наций;

g) сделать возможной регистрацию рождений и предоставить всем заинтересованным сторонам доступ к первичному или повторному получению законного удостоверения личности посредством упрощенных механизмов регистрации на местном и общинном уровнях с учетом того, что официально признанное удостоверение личности, подкрепленное свидетельством о рождении или другими документами, удостоверяющими личность, имеет ключевое значение для реализации самых основных прав;

h) предоставить сирийским и международным наблюдателям-правозащитникам доступ в страну и свободу перемещения по ее территории, с тем чтобы они могли оценивать условия, сообщать о выполнении обязательств и помогать в обеспечении соблюдения гарантий прав и верховенства закона.

18. Вышеупомянутые принципы не только амбициозны. Они выполнимы. Комиссия регулярно сообщала Совету по правам человека о сети контрольно-пропускных пунктов, установленных на территории всех находящихся под контролем правительства областей, где сирийцы пропадают без вести. Произвольные аресты, насильственные исчезновения, предъявление ложных обвинений в военных трибуналах, а также полевых и антитеррористических судах – все это используется для того, чтобы удерживать десятки тысяч людей под стражей, нередко без связи с внешним миром и в условиях, которые не поддаются описанию. На протяжении всего конфликта регистрируются смерти в результате применения пыток, жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинства обращения и казней без надлежащего судебного разбирательства как в известных, так и в тайных местах содержания под стражей. Родственники содержащихся под стражей лиц практически никогда не получают информацию об их местонахождении, причинах заключения или даже смерти. В результате тысячи сирийских семей не имеют никаких сведений о том, являются ли их родные пропавшими без вести по причине конфликта, перемещения, содержания под стражей, смерти или казни.

19. Вооруженные группировки и террористические организации также задерживают людей, зачастую без каких-либо причин или обоснований, за исключением намерения использовать их в сделках. Мирные жители, в том числе лица, имеющие родственников, которые служат в вооруженных силах Сирийской Арабской Республики, становятся заложниками, используемыми при переговорах об освобождении их товарищей по оружию или собственных родственников из мест содержания под стражей. Нередко пленники, принадлежащие к числу религиозных меньшинств, сталкиваются с ужасающим отношением, содержатся в нечеловеческих условиях или подвергаются пыткам и жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. В целях обоснования казней некоторых лиц, содержащихся под стражей, без надлежащего судебного разбирательства используются произвольные судебные процессы без какого-либо намека на соблюдение стандартов надлежащей судебной процедуры или справедливого судебного разбирательства.

20. Сторонам конфликта давно пора отдать приоритет освобождению произвольно задержанных лиц. Это один из ключевых принципов, на которых основывается политический процесс с момента принятия Женевского коммюнике 2012 года². Четкой и актуальной отправной точкой стало бы всеобщее освобождение женщин, детей, пожилых людей и инвалидов из всех мест содержания под стражей. Это необходимо сделать немедленно не только в контексте происходящих обменов пленными, но и в качестве выполнения всеми сторонами соответствующего обязательства и одной из мер укрепления доверия.

21. Неотъемлемой частью любого урегулирования, достигнутого путем переговоров, является обязательство открыть все места содержания под стражей для гуманитарных и правозащитных организаций, в частности для Международного комитета Красного Креста и Организации Объединенных Наций. Сюда должен

² См. A/66/865-S/2012/522, приложение.

входить прозрачный жест раскрытия имен и местонахождения всех гражданских лиц, содержащихся под стражей на территории страны.

22. По всей видимости, с учетом объема и сферы охвата дел о лицах, пропавших без вести, создание независимого и беспристрастного механизма с международным мандатом, предполагающим координацию и консолидацию исков, в том числе касающихся лиц, подвергнутых насильственному исчезновению, будет иметь жизненно важное значение для принятия надлежащих мер в отношении семей пропавших без вести лиц. Подобному механизму можно поручить определение ключевых элементов, необходимых для эффективного и результативного отслеживания и выявления пропавших без вести, помощи в консолидации ходатайств, поданных в широкий спектр неправительственных и гуманитарных организаций, и координации адресованных сторонам конфликта инициатив, направленных на раскрытие местонахождения лиц, пропавших без вести, или их останков. Одним из основных компонентов этих усилий станет взаимодействие с семьями пропавших без вести лиц и их участие в указанной деятельности, с тем чтобы обеспечить получение ими имеющейся и новой информации по мере появления таких данных.

23. Кроме того, следует отдать приоритет механизмам, призванным смягчить элементы острого гуманитарного кризиса, поразившего страну, и способствовать устойчивому возвращению. Решение проблемы перемещения гражданского населения в невиданных со времен Второй мировой войны масштабах потребует согласованных международных усилий. В частности, понадобится механизм для обеспечения соблюдения жилищных, земельных и имущественных прав беженцев и внутренне перемещенных лиц. Правительство Сирийской Арабской Республики должно убедиться в том, что изменения существующей правовой базы направлены на соблюдение имущественных прав всех сирийцев и что любые законы, цель или применение которых носят дискриминационный характер или иным образом нарушают основные права человека, немедленно отменяются. Чрезвычайно важно гарантировать людям, желающим вернуться и имеющим пригодное для этого жилье, возможность подобного возвращения. Хотя это длительный процесс технического характера, он требует тщательного рассмотрения существующего в Сирийской Арабской Республике имущественного законодательства, и любые пересмотры или реформы этих законов должны гарантировать права мирных жителей, покинувших свои дома из-за угрозы или необходимости, на получение их в собственность, на владение и на гарантированное пользование ими.

24. В соответствии с установившейся практикой настоящий доклад основан на более чем 500 собеседованиях и отражает тенденции, наблюдавшиеся в Сирийской Арабской Республике в течение последних шести месяцев, с особым акцентом на результаты наступления на ИГИЛ и использование осадной войны в отношении гражданского населения. Комиссия предлагает ряд передовых принципов и инициатив и выносит рекомендации по поводу их реализации в целях улучшения положения мирных жителей страны и оказания им помощи в достижении подобия справедливости.

III. Политические и военные изменения

25. Начинается седьмой год сирийского конфликта. Формируется новая военная и политическая динамика. Были предприняты многочисленные попытки международного посредничества, направленные на поощрение диалога между конфликтующими сторонами и достижение политического урегулирования. Недавние военные победы проправительственных сил ослабили оппозицию и оказали влияние на ход мирных переговоров. Достижение международного консенсуса осложняется различиями в основных интересах сторон. Эти тенденции недавно охарактеризовались военными победами, в том числе победами сирийской армии и Сирийских демократических сил над ИГИЛ в Эр-Ракке и Дайр-эз-Зауре.

26. Несмотря на развитие динамики конфликта в восточной части страны и повышение уровня насилия в Идлибе и Восточной Гуте (Риф-Дамаск), в некоторых

случаях использование режима прекращения огня помогло сократить насилие. Последний раз режим прекращения огня, объявленный при посредничестве Соединенных Штатов Америки, Российской Федерации и Иордании в июле 2017 года, привел к снижению уровня насилия на юго-западе страны, особенно в Дарья, Эль-Кунейтре и Эс-Сувайде. В более общем плане июль и август 2017 года характеризовались российскими усилиями по введению в действие местных соглашений о прекращении огня с вооруженными группировками, в том числе на севере Хомса и в Восточной Гуте (Риф-Дамаск).

27. Что касается военного фронта, то сирийская армия добилась значительных успехов в борьбе против ИГИЛ в богатой нефтью пустыне и вновь заняла Дайр-эз-Заур. В этом контексте Соединенные Штаты и Российская Федерация заключили соглашение о «линии деконфликтации» вдоль реки Евфрат, в соответствии с которым области к югу от Евфрата подпадают под контроль правительства, Российской Федерации и Исламской Республики Иран, а области к северу от реки будут контролироваться Соединенными Штатами и Сирийскими демократическими силами. Напряженность между сирийской армией и Сирийскими демократическими силами, связанная с контролем над стратегическими нефтяными месторождениями в Дайр-эз-Зауре, может нарастать, поскольку в октябре 2017 года правительство указало, что планирует вернуть себе природные ресурсы страны.

28. На северном фронте Турция начала подготовку к наступлению на Сирийские демократические силы в Африне (Алеппо) и активизировала обстрел занятых курдами городов на севере Сирии в целях ослабления влияния партии «Демократический союз». В Идлибе поддерживаемые Турцией вооруженные группировки продолжали сдавать территорию по мере продвижения правительственных сил, которые загнали их в изолированные анклав, рассредоточили и способствовали их политической маргинализации. Ослабление этих вооруженных группировок позволило коалиции «Хаят Тахрир аш-Шам»³ стать основным субъектом в Идлибе, после того как бригада «Ахрар-аш-Шам» понесла из-за нее тяжелые военные потери. На протяжении отчетного периода «Хаят Тахрир аш-Шам» пыталась закрепиться на северо-востоке Сирии посредством внедрения более мелких, окопавшихся на местах групп в мухафазы Хама и Идлиб и осуществления силового контроля над гражданской администрацией в Идлибе. Тем не менее широкие протесты гражданского населения помешали коалиции «Хаят Тахрир аш-Шам» удержать контроль над ключевыми городскими центрами.

29. Выросла также напряженность между правительством и партией «Демократический союз» после того, как в конце августа 2017 года курдские власти в одностороннем порядке объявили о своем намерении провести общинные и местные выборы в целях укрепления административного контроля над областями, занятыми курдами. Всплеск беспорядков в 2011 году и последовавший в 2012 году выход сирийских властей с курдских территорий позволили партии «Демократический союз» консолидировать власть и сделать легитимным свой проект по созданию фактически автономного региона. В военном плане курдские силы продолжали удерживать контроль над крупными месторождениями нефти и газа после начала в сентябре 2017 года военной кампании по освобождению Дайр-эз-Заура при поддержке Соединенных Штатов.

30. После заключения в мае 2017 года соглашения между Российской Федерацией, Турцией и Исламской Республикой Иран о создании зон деэскалации, призванных снизить уровень насилия в определенных сирийских мухафазах, государства-гаранты встретились 14 и 15 сентября в Астане для проведения нового раунда переговоров и принятия решения об осуществлении соглашения в течение шести месяцев на севере Хомса, в Восточной Гуте (Риф-Дамаск) и в Идлибе. Несмотря на соглашение, положение в Восточной Гуте – осаждаемой с 2013 года – продолжало ухудшаться после того, как сирийская армия активизировала свои авиационные удары и

³ «Хаят Тахрир аш-Шам» – это всеобъемлющая коалиция экстремистских фракций, возглавляемых террористической группировкой «Джабхат Фатх аш-Шам» (ранее «Джабхат ан-Нусра»).

сухопутные военные операции, в результате чего кольцо осады сомкнулось еще плотнее и, следовательно, ухудшилась гуманитарная ситуация более чем 390 000 находящихся в ней мирных жителей. Внутренние распри среди вооруженных группировок оказали дополнительное негативное влияние на население, несмотря на режим прекращения огня, о котором в июле и августе договорились «Фейлак ар-Рахман», «Джейш аль-Ислам» и Российская Федерация.

31. В начале октября 2017 года российские и сирийские силы активизировали воздушные операции над Идлибом и Хамой после того, как коалиция «Хаят Тахрир аш-Шам» начала наступление на позиции правительства на севере Хамы. Кампания была сосредоточена на оставшихся анклавах оппозиции в Идлибе и на северо-востоке Хамы, а также на повторном занятии стратегической инфраструктуры, в частности авиабазы в Абу ад-Духуре (см. пункт 76). Параллельно с этим турецкие войска вошли в Идлиб в рамках операции по созданию зоны деэскалации, одновременно обстреливая позиции коалиции «Хаят Тахрир аш-Шам» в поддержку наступления Свободной сирийской армии. В центральной части страны 20 октября 2017 года, после четырехмесячной военной кампании, Сирийские демократические силы объявили Эр-Ракку освобожденной от ИГИЛ и учредили гражданский совет для управления городом.

32. В ноябре 2017 года темп военных кампаний ускорился, поскольку сирийская армия одержала несколько крупных побед на юге и 3 ноября объявила о полном контроле над городом Дайр-эз-Заур. На северо-западе коалиция «Хаят Тахрир аш-Шам» продолжала терять свое военное влияние после дезертирства двух крупных элементов – группировок «Нур ад-Дин аз-Зенки» и «Джейш аль-Ахрар». Дезертирство привело к боевым действиям между коалицией «Хаят Тахрир аш-Шам» и группировкой «Нур ад-Дин аз-Зенки» и спровоцировало яростные стычки на востоке Алеппо. Стремясь положить конец этим столкновениям, обе группировки подписали в середине ноября соглашение, которое привело к немедленному прекращению боевых действий.

33. Что касается дипломатической арены, то 11 ноября 2017 года на саммите Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества во Вьетнаме президенты Соединенных Штатов и Российской Федерации подписали заявление, в котором подчеркнули необходимость процесса проведения конституционных реформ и планирования выборов в Сирийской Арабской Республике под наблюдением Организации Объединенных Наций. 21 ноября, за день до начала трехстороннего турецко-ирано-российского саммита по Сирийской Арабской Республике, президент Путин и президент Асад согласились с тем, что военная операция в Сирийской Арабской Республике подходит к концу, и подчеркнули необходимость развертывания политического процесса, включающего в себя конгресс сирийского национального диалога, который состоится в Сочи (Российская Федерация). С учетом различия российского и американского мнений по поводу будущей роли войск Соединенных Штатов на севере Сирии, стремление курдов к самоопределению, а также усилия по достижению политического урегулирования в Сочи будут оставаться спорными вопросами и, несомненно, повлияют на работу по достижению международного консенсуса по проблеме политического урегулирования кризиса. Саудовская Аравия также попыталась структурировать мирный процесс, проведя 22–24 ноября в Эр-Рияде совещание, направленное на формирование совместной делегации, которая будет представлять различные фракции сирийской оппозиции на следующем раунде мирных переговоров в Женеве. В завершение совещания сирийская оппозиция выпустила заявление «Эр-Рияд II», в котором объявила о создании органа в составе 50 членов для участия в женевских переговорах и в прямых переговорах с правительством без каких-либо предварительных условий.

34. 28 ноября Специальный посланник Генерального секретаря по Сирии Стаффан де Мистура открыл восьмой раунд внутрисирийских мирных переговоров в Женеве, посвященный конституционному процессу и планированию проведения выборов под наблюдением Организации Объединенных Наций в контексте осуществления резолюции 2254 (2015) Совета Безопасности. Делегация правительства Сирийской Арабской Республики отложила свой отъезд на переговоры после публикации

заявления «Эр-Рияд II», в котором, по мнению правительства, содержится предварительное условие, заключающееся в том, чтобы президент Асад покинул страну. Хотя Специальный посланник продлил переговоры до 15 декабря, цель проведения прямых переговоров между правительством и оппозицией достигнута не была.

35. 11 декабря 2017 года президент Путин посетил авиационную базу Хмеймим (Латакия) для объявления о выводе значительной части контингента российских войск после заявления начальника Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации о полном освобождении страны от ИГИЛ. 21 и 22 декабря правительство Казахстана провело восьмой раунд переговоров в Астане, посвященный ситуации в зонах деэскалации и вопросу освобождения лиц, содержащихся под стражей. В завершение встречи государства-гаранты выпустили совместное заявление, где объявили о начале подготовки к конгрессу сирийского национального диалога, проведение которого намечено на 29 и 30 января 2018 года в Сочи. В ответ более 40 оппозиционных групп призвали к бойкоту конгресса в Сочи, заявив, что Российская Федерация пытается обойти внутрисирийские мирные переговоры в Женеве, координатором которых является Организация Объединенных Наций.

IV. Падение «Исламского государства Ирака и Леванта»

A. Эр-Ракка

36. Уже в начале февраля 2012 года Комиссия выражала обеспокоенность по поводу того, что конфликт влечет за собой опасность радикализации населения⁴, и с тех пор она постоянно документирует нарушения, совершаемые террористическими и экстремистскими группами. Эти группы, использующие неизбирательные нападения или нападения на гражданское население, зачастую на почве раскольнических настроений, несут ответственность за гибель множества мужчин, женщин и детей. 2 октября 2017 года террорист-смертник из ИГИЛ совершил самоподрыв в районе Мидан в Дамаске, в результате которого 17 человек, включая нескольких сотрудников полиции, погибли и еще 20 получили ранения. Террористическая группировка совершала аналогичные нападения на внутренне перемещенных лиц, бежавших от боев в Эр-Ракке и Дайр-эз-Зауре, убивая и калеча десятки людей, в том числе женщин и детей (см. приложение III, пункт 14).

37. С 2013 года ИГИЛ отдало приоритет строительству «государства» или «халифата». Делая местных лидеров и активистов своими мишенями и эксплуатируя социальную раздробленность и общины, оказавшиеся в бедственном социально-экономическом положении, оно быстро получило контроль над значительной частью территории страны с Эр-Раккой в качестве фактической столицы. Названная Советом Безопасности террористической группировкой, ИГИЛ стало синонимом жестокости⁵. Комиссия сообщала о своих выводах, касающихся геноцида⁶, преступлений против человечности и военных преступлений⁷, совершенных ИГИЛ.

38. В ноябре 2016 года Сирийские демократические силы объявили о начале операции «Разгневанный Евфрат», направленной на захват мухафазы Ракка. После оперативного продвижения по территории мухафазы в июне 2017 года Силы приступили к последнему этапу операции по занятию Эр-Ракки. Их наземное наступление проводилось при обширной поддержке с воздуха, обеспечиваемой международной коалицией⁸. К середине октября Силы и международная коалиция успешно изгнали ИГИЛ, однако бой за Эр-Ракку ознаменовался нарушениями,

⁴ См. A/HRC/19/69, пункт 124.

⁵ См. A/HRC/27/CRP.3.

⁶ См. A/HRC/32/CRP.2.

⁷ См. A/HRC/27/CRP.3.

⁸ Начиная с 2014 года более 60 стран объединились в международную коалицию для борьбы с ИГИЛ различными способами, включая авиационные удары.

совершенными всеми сторонами, и чрезвычайно дорого обошелся мирному населению. На пике операции международная коалиция ежедневно наносила порядка 150 авиаударов, которые привели к разрушению большей части города⁹ и гибели значительного числа гражданских лиц. Пытаясь избежать насилия, около 200 000 человек покинули свои дома, не имея другого выбора кроме как перебраться в лагеря для внутренне перемещенных лиц, находящиеся в ведении Сирийских демократических сил, где они содержались в условиях интернирования (см. приложение III, пункты 12–18). Некоторые из немногих жителей, оставшихся в городе, использовались ИГИЛ в качестве живых щитов для предотвращения наступления вражеских сил.

1. Авиационные удары международной коалиции

39. В ночь с 20 на 21 марта 2017 года, примерно в 23 ч 00 мин, силы коалиции под командованием Соединенных Штатов нанесли авиаудар по школе аль-Бадия в Мансуре (Ракка) – области, которая в то время находилась под контролем ИГИЛ. Первоначально Комиссия сообщила об этом инциденте в июле 2017 года¹⁰, и ее подробные выводы приведены в приложении IV ниже (пункты 7–11). Комиссия провела 20 собеседований с выжившими, родственниками жертв, спасателями, жителями деревни и лицами, находившимися на месте после авиаудара, и сделала вывод о том, что с 2012 года в школе размещались внутренне перемещенные семьи. 150 из более чем 200 обитателей школы были убиты. Комиссия выявила 12 выживших, несколько из которых пострадали от серьезных увечий, включая сильные ожоги и потерю конечностей. Среди выживших числились четыре женщины и шесть детей, самому младшему из которых было 10 месяцев.

40. В ходе брифинга журналистов 28 марта 2017 года Совместная объединенная оперативная группа, учрежденная международной коалицией, взяла на себя ответственность за удар, объявив, что он был направлен против 30 боевиков ИГИЛ, которые, по ее словам, пользовались школой. Оперативная группа заявила, что не могла подтвердить информацию о том, что школа используется внутренне перемещенными лицами.

41. Собранная Комиссией информация не подкрепляет утверждений ни о том, что 30 боевиков ИГИЛ находились в школе во время удара, ни о том, что школа использовалась ИГИЛ иным образом. Скорее, ситуация с потерями и характер здания аль-Бадия сильно отличаются от оценки международной коалиции. Информация о том, что обитателями школы были внутренне перемещенные семьи, включая многочисленных женщин и детей, и что школа с 2012 года использовалась в качестве убежища для внутренне перемещенных лиц, должна была быть легко доступна группе коалиции, планировавшей нанесение удара. Поэтому Комиссия делает вывод о том, что международная коалиция должна была знать характер цели, однако в нарушение международного гуманитарного права не приняла всех возможных мер предосторожности для того, чтобы избежать или свести к минимуму случайную гибель гражданского населения, увечья мирных жителей и ущерб гражданской инфраструктуре. Последующее расследование, проведенное международной коалицией, должно было показать значительное число погибших из числа гражданских лиц в результате этого инцидента.

2. Наземные операции Сирийских демократических сил

42. На протяжении отчетного периода Сирийские демократические силы продолжали забирать мужчин и детей на военную службу в рамках кампаний по принудительному призыву. Призывники, включая детей в возрасте 13 лет, проходят базовую подготовку перед тем, как отправиться на передовую. В июле 2017 года двое

⁹ United Nations Institute for Training and Research (UNITAR), Operational Satellite Applications Programme (UNOSAT), “Syria: Ar Raqqa/Ar Raqqa governorate”, Imagery analysis taken 21 October 2017, published 1 December 2017, available at http://unosat-maps.web.cern.ch/unosat-maps/SY/CE20130604SYR/UNOSAT_A3_Raqqa_Damage_Points_20171021.pdf.

¹⁰ См. A/HRC/36/55, пункт 79.

мальчиков в возрасте 15 и 16 лет записались в Сирийские демократические силы в ат-Табке (Ракка). Впоследствии младший получил боевое ранение в руку. В другом случае один из жителей Эр-Ракки, бежавший из города в середине июля 2017 года, был остановлен вместе со своей семьей по прибытии на территорию, занятую Сирийскими демократическими силами, и допрошен курдским подростком в форме. Девочки также подвергаются вербовке, хотя это случается менее часто; Сирийские демократические силы завербовали девочку-подростка в Эр-Ракке в октябре 2017 года. Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах, принятый Сирийской Арабской Республикой в 2003 году, безоговорочно закрепляет минимальный возраст для непосредственного участия в боевых действиях, вербовки в вооруженные группировки и обязательного набора правительствами в вооруженные силы на уровне 18 лет.

43. Комиссия получила сообщения о том, что Сирийские демократические силы просили возвращенцев в Талль-эль-Абьяде (Ракка) добровольно направить одного мужчину от каждой семьи на военную службу, что фактически помешало некоторым семьям вернуться в свои дома. В иных случаях семьи предпочитали переехать подальше от районов, занятых Сирийскими демократическими силами, во избежание репрессий, включая арест, за отказ от призыва. Сообщается о принудительном призыве мужчин на военную службу в лагерях для внутренне перемещенных лиц, и некоторые мужчины были арестованы за отказ вступить в Силы.

44. Журналисты и активисты подвергаются запугиваниям и арестам за сообщения о предполагаемых нарушениях, совершаемых Сирийскими демократическими силами и международной коалицией в Эр-Ракке, Талль-эль-Абьяде и Эт-Табке. В нескольких случаях Силы арестовывали и задерживали родственников разыскивавшихся активистов на срок до шести недель для того, чтобы получить информацию об их местонахождении и вынудить активистов обнаружить себя. Кроме того, Сирийские демократические силы арестовывали родственников членов Свободной сирийской армии и ИГИЛ для допросов. В числе задержанных были женщины и дети, включая 16-летнюю девочку и 10-летнего мальчика. Члены семей сообщали о том, что им отказывают в получении информации о задержанных, в том числе о местонахождении центра содержания под стражей, и о причине задержания. По сообщениям, некоторые задержанные мужского пола подвергались избиениям и прижиганиям сигаретами, а также не получали медикаментов для лечения хронических заболеваний, таких как диабет.

3. «Исламское государство Ирака и Леванта»

45. В июне 2017 года Сирийские демократические силы и примыкающие к ним группировки, включая, в основном, Свободную сирийскую армию и племенные элементы из мухафазы Ракка¹¹, окружили и захватили части Эр-Ракки при поддержке с воздуха, обеспечиваемой международной коалицией. По оценкам, к тому времени 200 000 жителей покинули город, однако примерно 50 000 человек оказались в ловушке. Хотя многие из тех, кто был в состоянии покинуть город, сделали это, у некоторых других, в частности у пожилых людей и инвалидов, не было иного выбора, кроме как остаться. Некоторые из опрошенных лиц сказали, что они решили остаться из опасения, что в случае их отъезда ИГИЛ конфискует их дома. Первые сообщения о том, что ИГИЛ мешает гражданскому населению покинуть город, появились в конце июня 2017 года и продолжались до конца призванного изгнать ИГИЛ из Эр-Ракки наступления, завершившегося в октябре.

46. По мере захвата территории Сирийскими демократическими силами эвакуация мирных жителей становилась все более затруднительной. До июня 2017 года ИГИЛ разрешало некоторым гражданским лицам, включая больных, переезжать в сельскую местность Ракки, находящуюся под его контролем. Тем не менее, как только Сирийские демократические силы окружили город, ИГИЛ прекратило эту практику и приказало жителям окраин переместиться в центр. В начале августа ИГИЛ приказало

¹¹ Эти элементы происходили главным образом из ополчения «Силы ас-Санаид» и фронта «Революционная бригада Ракки».

семье, проживавшей в районе Албу-Сарайя, переехать в другое здание, которое двумя часами позже было разрушено авиаударом. По оценкам, в результате этого авиаудара погибло 30 мирных жителей. Кроме того, после окружения гражданскому населению стало все труднее бежать на юг, используя старый мост через Евфрат, поскольку эта область стала линией фронта и ИГИЛ начало закладывать наземные мины в тех районах, над которым оно утратило контроль, вынуждая многих мирных жителей платить контрабандистам, с тем чтобы они провели их через эти места.

47. ИГИЛ применяло целый ряд средств для того, чтобы помешать гражданскому населению покинуть Эр-Ракку, в том числе оно приказывало мирным жителям переехать из районов, контроль над которыми перешел к Сирийским демократическим силам, а также использовало снайперов и наземные мины. По сообщениям, расширенная семья, состоявшая из 20 человек, собиралась покинуть Эр-Ракку в середине июля, когда Сирийские демократические силы подошли к их району, однако ИГИЛ приказало им переехать на запад, который оставался под их контролем. Когда семья попыталась бежать ночью, используя старый мост, по ней открыли огонь снайперы ИГИЛ. К счастью, никто не пострадал. Снайперами ИГИЛ была обстреляна еще одна группа, использовавшая тот же маршрут в начале августа; четыре человека, включая двух женщин и 11-летнюю девочку-инвалида, погибли при взрыве наземной мины.

48. Приказывая гражданскому населению переехать в области, находящиеся под его контролем, и активно препятствуя им в намерении покинуть город посредством снайперского огня и закладки наземных мин, ИГИЛ пыталось избежать дальнейших нападений на Эр-Ракку, используя мирных жителей в качестве живых щитов. Намеренно помещая гражданских лиц в районы, где они подвергались воздействию боевых операций, в целях избежать нападений на эти районы, ополченцы ИГИЛ совершали военное преступление, заключавшееся в использовании живых щитов в мухафазе Ракка¹². Кроме того, опрошенные лица вспоминали, что с точки зрения доктрины ИГИЛ считало людей, покидавших Эр-Ракку, вероотступниками, бежавшими с дар аль-ислам (территория ислама) на дар аль-харб (территория войны), и, следовательно, избирало их своими мишенями.

49. Несмотря на то, что мирные жители использовались в качестве живых щитов, международная коалиция активно продолжала наносить ежедневные авиаудары, что привело к разрушению значительной части Эр-Ракки и гибели бесчисленных гражданских лиц, многие из которых были захоронены на импровизированных кладбищах, в том числе в парках. Некоторые из опрошенных лиц сказали, что пытались достать тела из-под обломков, однако зачастую им это не удавалось из-за отсутствия тяжелой техники. По мере увеличения числа погибших международные учреждения выразили обеспокоенность в связи с опасностью, которую представляют непогребенные тела, включая распространение заболеваний.

В. Дайр-эз-Заур

50. Как и в Эр-Ракке, успешные военные операции по перехвату контроля над Дайр-эз-Зауром у боевиков ИГИЛ были отмечены согласованными воздушными налетами, которые проводились главным образом проправительственными силами и фактически служили для облегчения страданий тысяч гражданских лиц, живших под властью ИГИЛ в течение более чем трех лет. В июне 2014 года боевики ИГИЛ окружили районы Дайр-эз-Заура, удерживаемые правительственными войсками, и перекрыли любой коммерческий доступ и доступ гуманитарных организаций к осажденному населению. 22 августа проправительственные силы официально начали наступление для захвата Дайр-эз-Заура и 5 сентября прорвали трехлетнюю осаду ИГИЛ в нескольких частях города¹³.

¹² См., например, International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, *Prosecutor v. Radovan Karadžić*, case No. IT-95-5/18-T, judgment of 24 March 2016 (four volumes), p. 199, para. 525.

¹³ См., например, A/HRC/31/68, пункты 127–129, посвященные осаде ИГИЛ Дайр-эз-Заура.

51. После двух месяцев столкновений Министерство обороны Сирии объявило, что правительственные силы получили полный контроль над городом. 6 декабря 2017 года Государственное телевидение Сирии заявило, что мухафаза Дайр-эз-Заур освобождена от ИГИЛ. В тот же день эту информацию повторил начальник Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, который объявил также, что российские силы заняли город Дайр-эз-Заур 3 ноября. Несмотря на эти заявления, проправительственные воздушные операции против оставшихся целей ИГИЛ, по всей видимости, продолжаются, особенно в некоторых районах пустыни.

52. Мирные жители, которым удалось бежать из Дайр-эз-Заура, вспоминали степень разрушений, свидетелями которых они стали; большинство опрошенных лиц неизменно говорили о том, что от авиаударов серьезно пострадало примерно 80% города¹⁴. Многочисленные свидетели сообщали, что правительственные силы не делали никаких различий, связанных с военными целями, и что во время авиаударов погибли сотни гражданских лиц в жилых районах.

53. До сентября 2017 года боевики ИГИЛ активно мешали мирным жителям покидать Дайр-эз-Заур, введя уличные патрули, действовавшие главным образом в вечернее время. Любое гражданское лицо, пытавшееся покинуть Дайр-эз-Заур, задерживалось и доставлялось в ближайший хизбах (участок полиции ИГИЛ), где оно должно было либо заплатить штраф за неповиновение, либо подвергнуться телесному наказанию в виде порки. После сентября, когда воздушные налеты усилились и население стало выходить из-под контроля ИГИЛ, последовавший за этим хаос сделал уличные патрули хизбаха ненадежными, и ИГИЛ прибегло к использованию контрольно-пропускных пунктов. Как и в Эр-Ракке, ИГИЛ намеренно ставило жизнь гражданских лиц под угрозу, с тем чтобы избежать нападений на определенные районы, что приравнивается к военному преступлению, заключающемуся в использовании живых щитов.

54. Не в силах справиться с масштабным наступлением, в сентябре 2017 года ИГИЛ начало кампанию по принудительному призыву новобранцев, издав указ о призыве на военную службу всех мужчин в возрасте от 20 до 30 лет. Для выполнения этого указа в городе и за его пределами были созданы контрольно-пропускные пункты. Автобусы и такси останавливались и обыскивались; пассажиров мужского пола заставляли посещать уроки религиозного покаяния (иститабах), за которыми следовала военная подготовка. Через несколько месяцев мужчины направлялись прямо на передовые.

55. К сентябрю, когда население вышло из-под контроля ИГИЛ, десятки тысяч мирных жителей направились на север к областям, занятым курдами (см. приложение III). Однако сотни других попытались пересечь Евфрат на паромках, ранее использовавшихся для перевозки грузов, транспортных средств и скота. 11 и 12 сентября проправительственные силы напали на паромы, пересекавшие Евфрат, у Хариты. 11 сентября, примерно в 10 ч 30 мин, когда на пароме, следовавшем в Хариту, находились около 40–50 человек, проправительственные силы нанесли по нему воздушный удар. Погибли 30 мирных жителей, многие из которых утонули. Свидетели утверждают, что на борту парома не было боевиков ИГИЛ.

56. Аналогичным образом, 9 и 10 сентября в пункте пересечения аль-Булиль проправительственные силы совершили воздушные нападения на паромы, готовые к отплытию по Евфрату. 9 сентября, примерно в 11 ч 00 мин, был нанесен воздушный удар по пункту пересечения Шамия ад-Джазира, где ждали мирные жители, пытавшиеся бежать. При нападении погибли по меньшей мере 32 гражданских лица, в том числе женщины и дети. Фото останков, представленные опрошенными лицами, указывают на то, что были использованы кассетные бомбы РБК-250 и РБК-500. Использование кассетных боеприпасов в районах проживания гражданского населения носит неизбирательный характер (с учетом большой зоны рассеивания боевых компонентов и высокого процента несрабатывания, из-за которых мирные жители подвергаются опасности еще многие годы после окончания боевых действий).

¹⁴ UNITAR, UNOSAT, "Syria: Deir Ez Zor, Deir Ez Zor governorate, Imagery analysis done 9 November 2017, published 21 November 2017, available at http://unosat-maps.web.cern.ch/unosat-maps/SY/CE20130604SYR/UNOSAT_A3_Deir_Ez_Zor_Damage_Points_20171109_Optimized.pdf.

Поэтому они запрещены нормами обычного международного гуманитарного права. Их использование проправительственными силами в городе Дайр-эз-Заур представляет собой военное преступление, которое состоит в неизбирательных нападениях на районы проживания гражданского населения.

V. Внутренне перемещенные лица

57. В результате боевых действий внутри Сирийской Арабской Республики были перемещены по меньшей мере 6,5 млн сирийцев, включая почти 3 млн детей. В 2017 году были перемещены значительно более миллиона сирийцев. Перемещение принимает много различных форм. В некоторых случаях проправительственные силы неоднократно нападали на объекты гражданской инфраструктуры в осажденных районах, что приводило к перемещению мирных жителей, которые были в состоянии бежать, и тысячи гражданских лиц были принудительно перемещены в рамках примирения, которое часто влечет за собой местные перемирия и соглашения об эвакуации¹⁵.

58. Многие мирные жители, принудительно перемещенные из занятых оппозицией районов, поселились в школах в Идлибе, которые были плохо подготовлены для их размещения. У других не было иного выбора, кроме проживания в переполненных лагерях или незнакомых городах, где у них отсутствовали базовые ресурсы. В Идлибе и прилегающей к нему сельской местности Алеппо внутренне перемещенные лица живут под постоянными бомбардировками (см. пункты 77–79) и не получают достаточной гуманитарной помощи. Во исполнение соглашений об эвакуации проправительственные силы перевели симпатизирующее им население в районы, находящиеся под контролем правительства, в мухафазах Хомс, Тартус и Латакия, где условия гораздо лучше.

59. В других ситуациях мирные жители были перемещены в результате боевых действий или бежали в преддверии столкновений. Операции против ИГИЛ в Эр-Ракке и Дайр-эз-Зауре спровоцировали одну из крупнейших волн внутренне перемещенных лиц с 2011 года. К июню 2017 года десятки тысяч сирийцев из Эр-Ракки и Дайр-эз-Заура начали опасный путь к спасению, пересекая линии фронта и рискуя подорваться на mine, с тем чтобы переселиться в лагеря в пустыне, находящиеся в ведении Сирийских демократических сил на севере мухафаз Ракка и Хасеке. Общее число лиц, бежавших из Эр-Ракки и Дайр-эз-Заура, составляет 320 000 человек. На севере Ракки и Хасаки Сирийские демократические силы интернировали 80 000 внутренне перемещенных лиц, с тем чтобы проверить их на возможные связи с ИГИЛ. Независимо от легитимности угрозы безопасности, огульное интернирование Сирийскими демократическими силами всех внутренне перемещенных лиц из Эр-Ракки и Дайр-эз-Заура не подлежит оправданию. Среди интернированных гражданских лиц имеются женщины, дети, пожилые и больные люди, инвалиды, а также другие группы людей, которые не представляют никакой неминуемой угрозы безопасности и чье постоянное содержание под стражей не является строго необходимым ни на каких основаниях. Во многих случаях текущее интернирование этих лиц приравнивается к произвольному лишению свободы и незаконному содержанию тысяч людей под стражей.

VI. Возвращенцы и препятствия к возвращению

60. В дополнение к нестабильному положению тех, кто был перемещен внутри страны, порядка 600 000 сирийцев возвратились из-за рубежа и также стали внутренне перемещенными лицами, поскольку не смогли вернуться в свои дома. В Эр-Ракке заложенные ИГИЛ мины-ловушки и наземные мины, а также взрывоопасные

¹⁵ Ранее Комиссия документировала принудительное перемещение гражданских лиц правительственными силами из восточных районов Алеппо (см. A/HRC/34/64, пункт 93), Мадаи (Риф-Дамаск), Барзы, Тишрина и Кабуна (восток Дамаска) (see A/HRC/36/55, para. 35) в мухафазу Идлиб.

пережитки авиаударов делают возвращение гражданского населения нецелесообразным. Ни один из мирных жителей, принудительно перемещенных в Идлиб согласно местным перемириям и соглашениям об эвакуации, не вернулся домой.

61. Многие внутренне перемещенные лица подвергались перемещению несколько раз из-за конфликта, сложностей, связанных с гарантиями владения собственностью, а также повышения цен на питание и жилье в местах перемещения. В дополнение к тысячам человек, перемещенных внутри страны в результате боевых действий в Эр-Ракке и Дайр-эз-Зауре, значительное число ранее перемещенных лиц в Идлибе вновь подверглись перемещению в ноябре и декабре 2017 года. Волны перемещения накладывают ограничения на принимающие общины, поскольку спрос провоцирует повышение цен на аренду и сырьевые товары, тогда как возможности трудоустройства остаются ограниченными. Перемещенные лица, в частности возглавляемые женщинами домашние хозяйства, больше других страдают при попытках доступа к реализации основных прав, включая право на достаточное жилище.

62. Связанные с конфликтом опасности, в том числе вероятность насилия, дискриминации или задержания, представляют собой препятствия, которые мешают некоторым общинам немедленно вернуться в места происхождения. Кроме того, значительный масштаб разрушений и загрязнения от взрывоопасных пережитков войны, имеющих место по всей стране, является долгосрочным барьером, который потребует значительных ресурсов и политической воли для того, чтобы расчистить и сделать безопасными загрязненные районы, восстановить дома и инфраструктуру, а также заново выстроить социальную структуру сирийских общин.

63. В этом контексте Комиссия продолжает получать сообщения, касающиеся фактических и предлагаемых изменений законодательной базы в сфере прав на жилье, землю и собственность, которые потенциально могут серьезно ограничить возможности возвращения внутренне перемещенных лиц и беженцев в свои дома. Например, в Законе № 33 от 2017 года, который регулирует возвращение утраченных или частично поврежденных документов, удостоверяющих собственность, и который был утвержден указом президента от 26 октября 2017 года, закреплены подробные критерии выявления и административного и правового восстановления утраченных или поврежденных документов, удостоверяющих владение недвижимым имуществом¹⁶. Хотя положения закона, в частности процедуры уведомления, на первый взгляд, соответствуют праву на справедливое судебное разбирательство, они не касаются ситуации внутренне перемещенных лиц и не содержат положений об их уведомлении на тот случай, если они заинтересованы в принятии решений относительно административного или судебного восстановления своих документов, удостоверяющих собственность.

64. Ведется рассмотрение других законов, которые могут повлиять на возможность доступа внутренне перемещенных лиц к своей собственности. Например, по полученным сообщениям, недавно изучавшийся парламентом Сирии законопроект, в соответствии с которым для освобождения от военной службы требуется уплатить 8 000 долл. США, а на тех, кто не явился для ее прохождения или не сделал указанный платеж, налагаются финансовые санкции, также дает правительству возможность захвата движимого и недвижимого имущества¹⁷. Хотя на момент подготовки настоящего доклада закон не был официально введен в действие, опрошенные лица считали, что неофициально он вступил в силу, и подчеркивали трудности, с которыми сталкиваются внутренне перемещенные лица при попытке доступа к надежной правовой информации, касающейся вопросов, влияющих на права собственности, что представляет собой еще одно препятствие к реализации их права на возвращение в места происхождения.

¹⁶ См. www.sana.sy/?p=649244, "A law regulating the reconstitution of a lost or damaged real estate document", 26 October 2017.

¹⁷ См. www.sana.sy/?p=656572, "The People's Assembly approves a draft law concerning those who have passed the mandatory age for compulsory service and another on linking the public register of workers in the State with the Ministry of Administrative Development", 8 November 2017.

VII. Лица, содержащиеся под стражей, и пропавшие без вести

65. Гражданские лица по-прежнему подвергаются произвольным задержаниям, пыткам и содержанию под стражей в нечеловеческих условиях на всей территории Сирийской Арабской Республики. Все стороны конфликта регулярно отказывают лицам, содержащимся под стражей, в праве на надлежащую судебную процедуру и справедливое судебное разбирательство. Освобожденные в 2017 году лица, содержащиеся в местах заключения, находящихся в ведении правительства, включая отделения политической безопасности в Алеппо и Дамаске, рассказывали об избиениях в ходе допросов, направленных на получение информации или признательных показаний¹⁸. Переполненные камеры, отсутствие надлежащих санитарно-гигиенических условий и завшивленность стали причиной различных заболеваний, в том числе распространения кожных инфекций. Во многих случаях лица, содержащиеся под стражей, освобождались после того, как их семьи платили взятки должностным лицам.

66. В мухафазах Ракка, Дайр-эз-Заур и Хама ИГИЛ задерживало гражданских лиц, обвиняемых в нарушении его правил или подозреваемых в сотрудничестве с вражескими силами, членов групп религиозных меньшинств, журналистов и активистов, обвиняемых в обнародовании предполагаемых нарушений, совершенных группировкой. В конце июля 2017 года на юге мухафазы Дайр-эз-Заур ИГИЛ арестовало и избило молодого человека за хранение интернет-кабелей, обвинив его в пособничестве правительственным силам. В другом случае в середине октября группировка арестовала около 40 членов друзской общины в сельской местности Хамы, тем самым продолжив практику произвольных задержаний религиозных меньшинств.

67. Некоторые антиправительственные вооруженные группировки использовали временные места заключения для содержания гражданских лиц в занятых ими районах. Например, 1 ноября 2017 года группировка «Нур ад-Дин аз-Зенки» задержала в Дар-Таиззе (Алеппо) трех мирных жителей, в том числе члена Управления свободного образования. Аресты произошли во время столкновений с коалицией «Хаят Тахрир аш-Шам» в мухафазе Алеппо. В течение месячного содержания под стражей по меньшей мере двое задержанных подвергались избиениям, помещались в одиночное заключение и принуждались к сдаче отпечатков пальцев для подкрепления признательных показаний. Двое задержанных были освобождены после того, как предстали перед «военным» судьей вооруженной группировки.

68. Сирийские демократические силы заявили, что в ходе операций в Эр-Ракке и Дайр-эз-Зауре они задержали 1 397 боевиков-«террористов», большинство из которых являлись или являются членами ИГИЛ, включая сотни иностранных боевиков из 30 стран¹⁹. Также удерживались женщины и дети, связанные с ИГИЛ. Хотя Сирийские демократические силы указали, что они пытаются вернуть иностранных боевиков, супруг и детей в страны их происхождения, они сообщили, что государства отказались репатриировать своих граждан, оставив их в состоянии правовой и административной неопределенности. По сообщениям, сирийские граждане, задержанные как боевики ИГИЛ, предстанут перед «судами», связанными с Сирийскими демократическими силами.

69. Международное право прав человека и гуманитарное право налагают на государства и все стороны немеждународных конфликтов четкие обязательства в отношении обращения с лицами, находящимися под стражей, и их защиты. Независимо от законности их задержания они имеют право на условия содержания под стражей, при которых соблюдается присущее им достоинство, в соответствии со

¹⁸ См. также A/HRC/31/CRP.1.

¹⁹ См. People's Defense Units, "2017 Balance sheet of war – Syrian Democratic Forces", press release, 3 January 2018, available at www.ypgrojava.org/2017-Balance-Sheet-of-War-%E2%80%93-Syrian-Democratic-Forces.

статьей 3, общей для всех четырех Женевских конвенций, а также с нормами обычного международного гуманитарного права.

VIII. Жизнь в осаде

70. За последние пять лет ведение осадной войны оказало на гражданское население большее влияние, чем любая другая тактика, применяемая воюющими сторонами, поскольку оно неизменно характеризуется отказом в правах на свободу передвижения, питание, водоснабжение, образование, здравоохранение и в праве на жизнь. Наиболее тяжелой осадой была осада восточной части Алеппо, проводившаяся проправительственными силами с июля по декабрь 2016 года²⁰. Почти 420 000 сирийских мирных жителей остаются в осажденной местности, причем 90% из них находятся в крайне неблагоприятных условиях в Восточной Гуте (Риф-Дамаск). Еще 2,9 млн сирийцев проживают в районах, труднодоступных для гуманитарной помощи. Проправительственные силы, вооруженные группировки и террористические организации регулярно отказывают в доставке осажденному гражданскому населению жизненно важных продуктов питания, медикаментов и других необходимых запасов, пытаются добиться сдачи вооруженных группировок, под чьим контролем оно находится. Как отметила Комиссия²¹ в январе 2016 года, правительственные силы использовали голод в качестве средства ведения войны при осаде города Мадея (Риф-Дамаск), что представляет собой военное преступление²². Голод привел к острому недоеданию и оказал несоразмерно значительное воздействие на беременных женщин и детей. Недоедание усугубляется систематическими отказами в эвакуациях по медицинским показаниям.

71. Начинается пятый год затянувшейся осады Восточной Гуты (подробную информацию см. в приложении II). Как и в случае с восточной частью Алеппо, осада Восточной Гуты проправительственными силами характеризуется отсутствием доступа к достаточному питанию, ограниченной доставкой гуманитарной помощи и отказом в эвакуациях по медицинским показаниям. Комиссия задокументировала использование запрещенного химического оружия и кассетных боеприпасов в густонаселенных районах, а также нападения на гражданские и охраняемые объекты, в том числе школы и больницы. Несмотря на статус охраняемых объектов, больницы в осажденных районах с трудом работают в поврежденных помещениях, которые неоднократно подвергались нападениям²³, к тому же зачастую без основного оборудования и медикаментов, в доставке которых было отказано. Опасаясь бомбежек больниц, беременные женщины нередко предпочитают рожать дома, без медицинской помощи. В своих резолюциях 2165 (2014), 2191 (2014) и 2258 (2015) Совет Безопасности разрешил безусловную доставку гуманитарной помощи, в том числе медицинской помощи, осажденным и труднодоступным общинам по всей стране. Тем не менее жестокая осада Восточной Гуты и прилегающих районов Дамаска продолжается.

IX. Разрушение гражданской инфраструктуры

72. С самого начала сирийского конфликта одной из его гротескных черт являются нападения всех сторон на гражданские и охраняемые объекты в нарушение международного гуманитарного права. Больницы, места отправления культа, центры гражданской обороны, густонаселенные жилые районы, дома, булочные, рынки и в меньшей степени школы разрушаются до основания в результате неизбирательных нападений или, что случается еще более часто, намеренно становятся мишенью для нападения. На всей территории Сирии дети остаются несоразмерно уязвимыми для насилия и надругательств, и им по-прежнему отказывают в защите, на которую они

²⁰ См. A/HRC/34/64.

²¹ См. A/HRC/31/68, пункт 120.

²² См. Международный комитет Красного Креста, правило 156.

²³ См. A/HRC/34/64, пункты 30–40.

имеют право в соответствии с Конвенцией о правах ребенка, участницей которой является Сирия.

А. Больницы

73. Никакие нападения на гражданские и охраняемые объекты не являются более очевидными, чем нападения на больницы и медицинские учреждения в занятых оппозицией районах, в том числе осажденных проправительственными силами. Частота этих нападений заметно увеличилась с октября 2015 года. В течение последних двух лет многие больницы и медицинские учреждения работают в укрепленных подвалах или в выдолбленных в горах пещерах для защиты от нападений. Из боязни нападений администрация учреждений здравоохранения перестала использовать отличительную эмблему, которая обычно требуется согласно нормам международного гуманитарного права.

74. В соответствии с нормами международного гуманитарного права больницам, медицинским формированиям и медицинскому персоналу предоставляется специальная защита в силу их особой гуманитарной функции. Стороны конфликта должны принимать дополнительные конкретные меры до того, как сделать подобные объекты своей мишенью. Тем не менее ни в одном из зарегистрированных случаев проправительственные силы или вооруженные группировки не предупреждали о нападениях на больницы, медицинские формирования или центры гражданской обороны. Отсутствие предупреждений и военных целей внутри и вблизи больниц показывает, что намеренный выбор проправительственными силами медицинской инфраструктуры в качестве мишени является частью их стратегии ведения войны, что является военным преступлением, которое заключается в предумышленном нападении на охраняемые объекты. Кроме того, преднамеренные нападения на медицинский персонал и автомобили скорой помощи являются военными преступлениями, которые заключаются в предумышленных нападениях на медицинский персонал и медицинский транспорт.

75. В течение отчетного периода Комиссия задокументировала постоянную практику преднамеренных нападений проправительственных сил на больницы в Идлибе (см. приложение IV, пункты 2–6), Хаме (см. приложение III, пункт 21) и Восточной Гуте (см. приложение II, пункты 25–28).

В. Школы

76. В сентябре–декабре 2017 года, по мере того как правительственные сухопутные войска в Алеппо и Хаме наступали на Идлиб с севера, востока и юга, проправительственные силы одновременно нанесли серию авиаударов по как минимум семи школам в сельской местности Алеппо на границе с Идлибом. Все нападения, кроме одного, осуществлялись в момент отсутствия детей, что продемонстрировало намерение разрушить структуры и свести к минимуму потери среди гражданского населения. Затронутые школы располагались в стратегическом военном районе, на пути, ведущем к авиабазе Абу ад-Духур и железной дороге, соединяющей Алеппо и Дамаск. После двухлетней осады в сентябре 2015 года боевики фронта «Джабхат ан-Нусра» и связанных с ним группировок отбили базу Абу ад-Духур у правительственных сил²⁴. Подробная информация о нападении на школы в Алеппо приведена в приложении IV, пункты 7–18. Кроме того, Комиссия задокументировала нападения на школы в контексте осады Восточной Гуты проправительственными силами (см. приложение II, пункты 20–23).

²⁴ См. A/HRC/31/68, пункт 107.

С. Рынки

77. Практика нападений на многолюдные рыночные площади продолжалась и после окончания отчетного периода²⁵. Например, 13 ноября 2017 года, сразу после 14 ч 00 мин, была нанесена серия авиаударов по главному рынку, а также окружающим домам и участку Свободной сирийской полиции в Атарибе (Алеппо). В результате авиаударов погибли по меньшей мере 84 человека, включая 6 женщин и 5 детей, и пострадали еще порядка 150 человек. Пострадавший объект находился в густонаселенном районе проживания гражданского населения. Помимо магазинов, ресторанов, коммерческих предприятий и семейных домов поблизости работали две школы (подробную информацию см. в приложении IV, пункты 19–31).

78. Имеющаяся информация указывает на то, что удары были произведены российским самолетом с применением неуправляемых вооружений, включая оружие взрывного действия. Применение подобного оружия в густонаселенном районе проживания гражданского населения не могло не сказаться на мирных жителях. Некоторые опрошенные лица утверждали, что на западе мухафазы Алеппо идут непрекращающиеся внутренние распри между коалицией «Хаят Тахрир аш-Шам» и группировкой «Нур ад-Дин аз-Зенки». Комиссия также получила противоречивую информацию о возможной цели.

79. Все стороны конфликта должны проводить различие между законными военными целями с одной стороны и мирными жителями и гражданскими объектами – с другой, используя методы или средства ведения боя, направленные на достижение конкретной военной цели. Нет никаких доказательств того, что вышеупомянутое нападение было преднамеренно направлено против гражданских лиц, находившихся на рынке Атариба. Тем не менее использование неуправляемых бомб, включая оружие взрывного действия, в густонаселенном районе проживания гражданского населения может приравниваться к военному преступлению, которое заключается в неизбирательных нападениях, приводящих к гибели и ранениям среди мирных жителей.

Х. Рекомендации

80. В дополнение к рекомендациям, приведенным ниже, Комиссия повторяет рекомендации, вынесенные в своих предыдущих докладах.

81. Комиссия рекомендует сторонам конфликта как в рамках проведения военных операций, так и в ходе переговоров:

а) положить конец нарушениям в отношении гражданского населения, включая казни без надлежащего судебного разбирательства, захват заложников, произвольные аресты, насильственные исчезновения, пытки и сексуальное и гендерное насилие;

б) обнародовать местонахождение всех мест содержания под стражей, независимо от того, являются ли они официальными, тайными и/или временными, а также представить полные перечни с информацией обо всех лицах, содержащихся под стражей;

в) предоставить независимым наблюдателям и, как минимум, гуманитарным организациям, таким как Международный комитет Красного Креста, безусловный доступ во все места содержания под стражей;

г) освободить детей, женщин, пожилых людей и инвалидов из всех мест содержания под стражей, как предлагает Специальный посланник по Сирии;

²⁵ См. A/HRC/28/69, приложение II, пункты 2–8; A/HRC/30/48, пункты 34–35; и A/HRC/31/68, пункт 77.

e) в рамках любого достигнутого в процессе переговоров соглашения учредить механизм, позволяющий оперативно освободить всех политических заключенных и лиц, произвольно содержащихся под стражей;

f) обеспечить привлечение виновных в преступлениях к ответственности и отсутствие в любом итоговом соглашении амнистий в случае совершения грубых нарушений прав человека, геноцида, военных преступлений и преступлений против человечности;

g) прекратить использование осадной тактики, с тем чтобы обеспечить немедленный и своевременный доступ и доставку гуманитарной помощи во все затронутые конфликтом регионы;

h) обеспечить полное соблюдение и содействие реализации права на возвращение посредством гарантирования того, чтобы все движения по возвращению в места происхождения носили добровольный характер и подлежали получению осознанного согласия, а также защищать все права на собственность или на проживание.

82. Комиссия рекомендует международному сообществу:

a) поддерживать независимый механизм с международным мандатом, предусматривающим координацию и консолидацию исков, касающихся пропавших без вести, в том числе лиц, подвергнутых насильственному исчезновению;

b) обеспечить, чтобы учреждения Организации Объединенных Наций и основные доноры среди государств-членов и региональных организаций предоставляли и облегчали финансирование восстановления и оказание помощи после достижения соответствия критериям в области подотчетности и защиты прав человека.

83. Комиссия рекомендует международной коалиции:

a) принимать все возможные меры предосторожности для того, чтобы свести к минимуму ущерб, наносимый гражданскому населению, в том числе пересмотреть все тактические принципы, касающиеся постановки задач для стрельбы по цели при проведении воздушных операций;

b) провести дополнительное расследование утверждений об авиаударах, приведших к потерям среди мирного населения, в том числе посредством опроса свидетелей, и обнародовать свои выводы.

84. Комиссия рекомендует проправительственным силам:

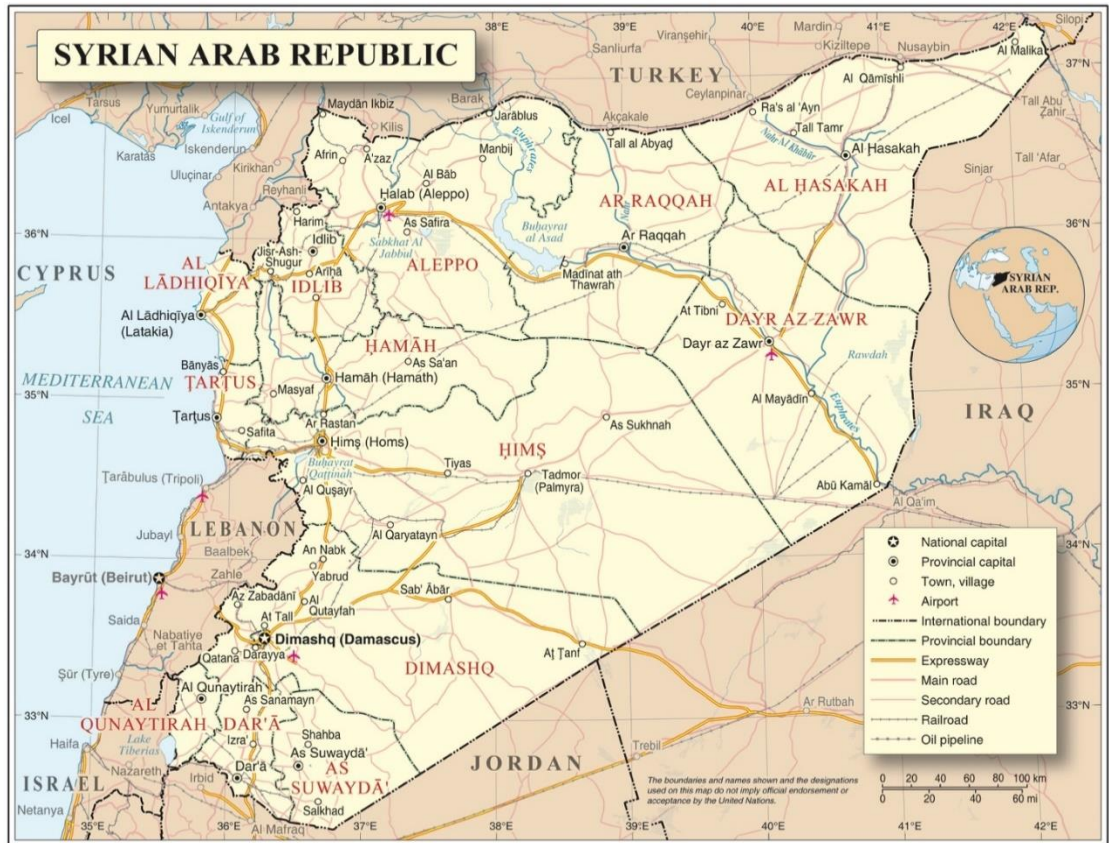
a) прекратить использование неуправляемого оружия и оружия площадного поражения, включая кассетные боеприпасы и оружие взрывного действия, в густонаселенных районах проживания гражданского населения.

Приложения

Annex I

[English only]

Map of the Syrian Arab Republic

Map No. 4204 Rev. 3 UNITED NATIONS
April 2012

Department of Field Support
Cartographic Section

Annex II

Siege of eastern Ghutah (Rif Damascus)

I. Evolution of the siege

1. Situated just northeast of Damascus, the rural enclave of eastern Ghutah is administratively part of the Rif Damascus governorate. It had originally been heavily forested, though with the expansion of Damascus, many neighbouring areas, particularly those in the north, were steadily cleared for development. Over the past 50 or so years, due to rising housing costs in Damascus, many people began relocating to villages on the outskirts of Damascus city. As a result, eastern Ghutah eventually became an extension of a greater Damascus. Of the cities in eastern Ghutah, Douma was the largest prior to the 2011 uprising, with a population of 600,000, and, at the time, the seventh largest city in the country. The total population of eastern Ghutah prior to the uprising was 1.5 million individuals. According to the most recent census conducted by the civilian local council in eastern Ghutah, around 390,000 individuals currently subsist in the enclave, comprising less than 70,000 families, with just shy of 100,000 of them internally displaced persons. Over 90 per cent of all besieged Syrian men, women, and children currently reside in eastern Ghutah.

2. Government forces initially laid siege to the opposition-held enclave in April 2013, where after soldiers at checkpoints began imposing stringent restrictions on the entry of humanitarian aid, including by impeding the delivery of food and vital medicine. On some occasions, soldiers demanded bribes to grant entry of even the most basic commodities. For the vast majority of the duration of siege, checkpoints served as opportunities for extortion, with pro-Government forces and armed groups both profiting off the desperation of the confined population.

3. Since 2013, inhabitants of eastern Ghutah have been incinerating plastic to generate electricity, when all fuel products coming from Government-held areas ceased. The process was completed by burning the plastic down, distilling and filtering it, and producing kerosene, benzene, and diesel. Civilians further produced natural gas by digging holes, filling them with animal waste, and covering them with plastic. By early 2015, Government forces had cut access to water in Douma. Besieged civilians began digging underground wells. Some 600 wells were dug and manual pumps installed to supply neighbourhoods with water. Children created seesaws on some pumps and played on them, in order to also pump water.

4. Between July 2014 and February 2017, residents of eastern Ghutah primarily relied on an elaborate network of manmade tunnels to smuggle in food and medicine, which helped to alleviate their suffering. Owing to bribery, food and commodities were also occasionally smuggled inside the besieged area through formal routes and sold in local markets at elevated prices. Many of those tunnels were *de facto* closed by pro-Government forces in February 2017 upon their recapturing of large swathes of municipalities in the eastern Damascus area (e.g., Barza, Tishreen, and Qabun), and further closed as part of a local truce implemented between pro-Government forces and opposition groups in Qabun that May (see A/HRC/36/55, annex III, para. 6).

5. Since May 2017, the official closing of tunnels in eastern Ghutah has compounded the effects of the siege to unparalleled levels. International organisations including the United Nations have to seek and obtain Government permission prior to aid deliveries, efforts which are routinely denied. Aid deliveries on 30 October and 12 November were wholly insufficient. Supplies on 30 October, for example, were only granted for 40,000 individuals in the towns of Kafr Batna and Saqba. In December, pro-Government forces did not allow any humanitarian aid into eastern Ghutah. Over the preceding months, aid reached only ten or maximum 20 per cent of people in besieged areas countrywide. Though intended to be de-escalation zone, aid deliveries into eastern Ghutah have been denied by pro-Government forces more often over the reporting period than in 2016.

6. Eastern Ghutah is currently under the primary control of two armed groups, namely Jaysh al-Islam (the Islam Army) and Faylaq ar-Rahman (the Rahman Legion). Both factions have consistently been attacking Government-held Damascus city with unguided mortars that have killed dozens of civilians, amounting in each instance to the war crime of launching indiscriminate attacks.¹ Other groups present in eastern Ghutah include Ahrar al-Sham, which controls the area of Harasta, and Hay'at Tahrir al-Sham, which maintains control over certain pockets.

7. Infighting between the terrorist group Hay'at Tahrir al-Sham and Faylaq ar-Rahman on one side, and Jaysh al-Islam on the other was rampant in April and May 2016, in April 2017, as well as over July and August 2017. The impact of armed group and terrorist organisation infighting posed grave risks to civilians living under their control. Specifically, civilians were denied freedom of movement within the enclave, which impacted upon their ability to access farmlands. The inability to cultivate land and produce food locally led to an increased reliance on the use of tunnels. Prior to their closing, however, infighting between rebel factions also affected the regularity of tunnel access.

8. In September 2017, Government forces closed the Wafidin crossing point close to Douma, which served as an entry point for goods and which was manned by pro-Government forces on one side and by Jaysh al-Islam on the other. By November, prices for basic commodities surged drastically. One kilogram of sugar now costs between 10,000 and 16,000 Syrian lira. One kilogram of tea costs 100,000, of salt 20,000, of vegetable oil 12,000, and one box of powdered milk between 20,000 and 25,000 lira. Many families in eastern Ghutah currently subsist on \$10 to \$15 USD a day, though the cost of living would require a salary of \$50 to \$100 USD per family per day. While seasonal vegetables remain available, very little red meat or poultry can be found.

9. Just as pro-Government forces markedly heightened aerial and ground operations on eastern Ghutah in September 2017, cases of acute malnutrition become more prominent, with several children having since died of preventable illness such as organ failure exacerbated by malnutrition. The Commission has documented numerous instances in which children suffered immeasurably as a result of malnutrition in eastern Ghutah. Around the same time, women began increasingly experiencing difficulties producing breastmilk due both to malnutrition and stress, further leading to malnutrition of their babies. Many individuals throughout eastern Ghutah are currently subsisting on one meal a day.

10. Siege conditions have further pushed armed actors in eastern Ghutah to loot food and medical supplies from civil society organisations and aid warehouses. Reportedly, on 19 October, at approximately 11 p.m., a group of around 40 armed men wearing balaclavas attacked a Provincial (governorate) Council aid warehouse in Hammourieh. They had spread across the centre of Hammourieh and erected a checkpoint 25 metres away from the warehouse. The armed men broke down the door, stormed the warehouse, and carried stored foodstuffs out and into trucks parked at the entrance. Due to their masks, civilians near the scene were unable to identify any of the armed men. Around one hour after the attack, beleaguered civilians rushed to the warehouse and began taking foodstuffs as well, rendering the warehouse empty of its stocks. On the same evening, another Provincial Council aid warehouse had been attacked by armed men, as well as a third the next morning. Several similar incidents occurred throughout late October, including in other areas such as Beit Sawa.

---

¹ Both factions have consistently been attacking Government-held Damascus city with unguided mortars that have killed dozens of civilians. After the tightening of the siege in February, armed groups began increasingly relying on rockets capable of reaching mid- and long-range areas. For example, on 17 November, a woman was left severely disabled after armed groups launched rockets into Damascus. On 19 November, shortly after 3:00 pm, armed groups located in Jobar or Harasta launched an improvised, 20-metre range rocket from the besieged enclave which struck a crowded city street (Mazza 86) on which two schools are located. One witness recalled hearing the typical "whistle" of the rocket, followed by a large explosion. Three civilians were killed in the attack, and their car destroyed. Minutes later, a similar rocket landed in an open area some dozens of meters away. Similarly, dozens more civilians died on 20 November when armed groups launched attacks against Damascus city. The Abdullah bin Rawaha mosque was reportedly damaged on the same day.

11. The United Nations Security Council has issued numerous resolutions calling “on all parties to lift all sieges on populated areas, including in ... Eastern Ghouta” (Res. 2139); expressing deep disturbance “by the continued, arbitrary and unjustified withholding of consent to relief operations and the persistence of conditions that impede the delivery of humanitarian supplies to destinations within Syria, in particular to besieged and hard-to-reach areas” (Res. 2165); and expressing grave concern at the “the use of starvation of civilians as a method of combat, including by the besiegement of populated areas” (Res. 2258). Despite these resolutions, the brutal siege of eastern Ghutah endures.

12. The UN Special Envoy for Syria, Staffan de Mistura, has further commented that “besiegement belongs in the Middle Ages”.² The siege of eastern Ghutah has been characterised by pervasive war crimes including the use of prohibited weapons, attacks against civilian and protected objects, starvation as a method of warfare leading to severe acute malnutrition, and the routine denial of medical evacuations. Indeed, Government forces routinely deny humanitarian evacuations for wounded and sick civilians and fighters until surrender (truces) and subsequent evacuation, granting it only in rare instances when successful exchanges can be carried out (see A/HRC/36/55, para. 27).

II. Use of prohibited weapons

A. Chemical weapons

13. During the period under review, Government forces continued to use chemical weapons against armed group fighters in eastern Ghutah. After using chlorine against Faylaq ar-Rahman fighters in Ayn Tarma, Zamalka, and Jowbar (Damascus) in early July (see A/HRC/36/55, para. 71), the Commission documented the use of chemical weapons against Ahrar al-Sham fighters in Harasta. In the early morning hours of 18 November, a number of weapons fell on the Harasta frontline. Minutes later, 25 fighters suffered from a combination of symptoms including blurred vision, unconsciousness, contracted pupils, shortness of breath, nasal secretions, vomiting, and headaches. Two other fighters who went to the rescue reported experiencing similar symptoms. Victims were taken to a medical point where their clothes were removed, they were washed with water, and given oxygen, atropine, and pralidoxime. There were no fatalities. Most of the fighters were released from the medical point within 24 hours, though some reported suffering from symptoms up to three days later.

14. The symptoms reported and treatments described are consistent with a small-scale chemical attack involving an organo-phosphorous pesticide. The small number of casualties, the absence of fatalities, and the relatively mild symptomology with quick recovery all suggest that a small dose of chemical agent was released on the Harasta frontline. Some interviewees also reported that it rained shortly after the attack, which would have limited effects farther away.

15. The information available is insufficient to establish the weapons delivery system. Some victims said they did not see the weapon that caused the explosion, which released white smoke, and others said it was caused by an artillery shell. Second-hand information suggesting the agent originated from a hand-grenade, which would be an extremely unlikely delivery system, was denied by victims. While the Commission is unable to establish the delivery system, it notes that the attack follows a pattern of Government forces using chemical weapons against fighters in eastern Ghutah, including in three instances in July, and that there are no documented incidents of armed groups using organo-phosphorous pesticides. Interviewees consistently said they believed the weapon originated from Government forces positions. It is therefore concluded that there are reasonable grounds to believe that Government forces used chemical weapons in Harasta on 18 November.

16. The use of chemical weapons is prohibited under customary international humanitarian law regardless of the presence of a valid military target, including when used

² UN NEWS CENTRE, *‘Medieval’ sieges, barrel bombs are ‘disgusting reality’ in Syria — senior UN officials*, 23 June 2016, available at www.un.org/apps/news/story.asp?NewsID=54308#.Wlu0BK6nHIU.

against enemy fighters, as the effects of such weapons are designed to cause superfluous injury and unnecessary suffering.

B. Cluster munitions

17. Pro-Government forces further used cluster munitions in densely populated civilian areas on at least three occasions in eastern Ghutah during the period under review, continuing a pattern previously documented in Douma (Rif Damascus),³ Aleppo,⁴ Dayr al-Zawr,⁵ and Idlib.⁶ All three documented incidents took place over the span of four days. Given their typically wide dispersal pattern and high dud rate, which continues to endanger civilians years after a cessation of hostilities, cluster munitions are inherently indiscriminate weapons when used in densely populated civilian areas. In such cases, including the two incidents described below, their use constitutes the war crime of launching indiscriminate attacks in a civilian populated area.

18. At around 7 a.m. on 15 November, residents in Saqba awoke to the sound of explosions, which injured seven persons, including one girl. Approximately half an hour later, another explosion was heard. Eyewitnesses recalled that a few seconds later, a number of smaller bombs exploded. In total, ten persons were injured including two women and four children under the age of 15. Subsequently, on 18 November, at around 3.30 p.m., three weapons struck a residential area in Hammourieh. When rescuers were arriving to the hospital with those injured by the first weapon, a second weapon released numerous bomblets hitting the vicinity of the hospital, which was located in a residential area. One man was killed and at least 25 persons were injured in the second incident, including three children, one of whom received surgery. Images of weapons remnants taken at the scenes of the 15 and 18 November incidents show multiple 3-O-8 rocket assisted mortar cargo canisters and their O-10 submunitions. These are cluster bombs fired from either the M-240 towed mortar or 2S4 Tyulpan self-propelled mortar gun, both of which are systems that Syrian and Russian forces are known to possess.

19. Throughout the afternoon of the following day, on 19 November, Douma was struck by a series of weapons resulting in the killing of six persons, including one child. The weapons impacted residential areas and al-Quwatly street, one of the city's main shopping streets. Of the 143 injured in Douma throughout that day, 25 were women and 26 were children. The victims sustained varying degrees of injuries with 50 requiring hospitalisation. Photos provided by interviewees display typical fragmentation pattern from cluster submunitions on concrete and a parachute for a O-10 cluster submunitions deployed from rocket-assisted 240 mm cluster bombs.

III. Attacks against protected objects

A. Schools

20. Over the span of three weeks, between mid-October and early November, an alarming number of schools and kindergartens were impacted by bombardments in eastern Ghutah. Incidents that occurred in October were caused by ground shelling; in November, schools were hit with air dropped munitions. Fearing further attacks, the majority of schools were closed down, leaving thousands of children deprived of education. While schools may be made the object of attack when used for military purposes, such attacks require prior warning when the school is located in a densely populated civilian area, as would be the case for the incidents documented. In none of the following incidents, however, were warnings issued.

³ A/HRC/34/CRP.3, paras. 57 and 59.

⁴ A/HRC/34/CRP.3, para. 54; A/HRC/34/64, paras. 33–35.

⁵ A/HRC/34/CRP.3, para. 58.

⁶ A/HRC/34/CRP.3, para. 56; A/HRC/36/55, para. 65 and annex II, para. 18.

21. At around 10.40 a.m. on 16 October, a shell fell in a lane next to the Ghosn Zeitoun school in Kafr Batna. More than 150 children were gearing up to leave the school after attending classes, when an explosion was heard, later identified by interviewees as a shell likely fired from pro-Government forces' positions. A female teacher and her 8-year-old daughter who were leaving school were killed by shrapnel, and the teacher's 5-year-old son sustained injuries to one leg and his hands. Following the incident, the school reduced the number of shifts, operating only from 6 to 9 a.m.

22. On the morning of 31 October, at 10.30 a.m., a shell hit the playground of the Mohammad Nasser Ash'Osh primary school for boys in Jisreen. The school, attended by more than 400 pupils, is located in the centre of Jisreen, surrounded by residential buildings. There is a kindergarten across from the school. As with the incident on 16 October on the Ghosn Zeitoun school, students had just finished classes. The shell killed five boys aged eight to 11 years, and an elderly man who was selling candy close by. At least 26 other boys were injured, as well as one girl in the vicinity. Several of the injuries required immediate surgery, with one boy's feet having been amputated. The school's gate and one wall were destroyed. Following the incident, the school adopted an "emergency" schedule, holding only two classes a day.

23. In one single day, on 8 November, three schools were impacted by airstrikes in eastern Ghutah. The same school complex hosting the Ghosn Zeitoun school, previously hit on 16 October, was struck again though this time by an airstrike. At 1 p.m., an airstrike hit the pavement in front of Basma Amal school, also in Kafr Batna, causing severe damage to the classrooms. Shortly afterwards, at 2.30 p.m., an airstrike hit the Tamayoz kindergarten in Hammourieh. About 240 children attend the kindergarten, which is adjacent to a hospital. There were no casualties among pupils in any of the 8 November incidents, as the Education Directorate instructed all schools to close for security reasons just two days prior.

B. Hospitals

24. Attacks on medical facilities are one of the longest running patterns of violations of the conflict in the Syrian Arab Republic. In besieged areas, hospitals often operate from damaged facilities that have been made the object of repeated attacks over years (see A/HRC/34/64, paras. 30–40), and without the most basic equipment and medication. Hospitals, clinics, and medical points are regularly attacked for attending to the wounded, as part of a strategy to erode the viability of civilian life in opposition-held areas. Attempts to protect the facilities by changing their names or moving underground have often proved unsuccessful (see A/HRC/36/55, paras. 62–66). Hundreds of medical workers have been killed and injured, and countless others have sought refuge abroad. Together, these factors have resulted in a severe weakening of the medical system countrywide, with devastating impact on besieged civilians, particularly vulnerable groups such as children, expectant mothers, the elderly, and those with chronic illnesses. During periods of intense bombardment, such as the one in eastern Ghutah on 8 November, the hundreds of casualties in need of care far exceed the capacity of hospitals to provide it, resulting in inadequate treatment and preventable deaths.

25. On 13 September, at 1.30 p.m., two artillery shells hit Al-Hekma hospital in Kafr Batna, with two more shells landing in its immediate vicinity. Al-Hekma hospital is the main trauma facility of the area. As the hospital had been hit several times in previous years, medical staff stopped using the building's upper floors, which were more frequently impacted in the other attacks. The 13 September attack resulted in four people being injured, among them two patients, including a woman, and one hospital worker. The emergency and recovery rooms were also both damaged, as was hospital furniture including beds, tables, and a solar panel. Medical staff said they believed that the attack was carried out as reprisal against them for having treated a large number of civilians who were injured in pro-Government forces' bombardments in the days preceding the shelling.

26. Between 14 and 17 November, 84 people were reportedly killed and another 659 injured. On the afternoon of 20 November, when hospitals were overwhelmed with casualties, shells believed to have been launched from pro-Government forces' artillery

positions in Al-Maliha impacted the Kafh hospital and its surroundings in Kafr Batna. One shell hit the roof of the hospital damaging water tanks and electrical installations. A second shell hit the front of the hospital's main entrance injuring a hospital worker in the head. Another two shells landed near the hospital, killing a woman and her four children, including two girls, aged between 2 and 11-years-old.

27. In both incidents, interviewees denied the presence of fighters or other military objectives in the hospitals. No warnings were issued prior to the attacks. Hospitals, medical units, and medical personnel are afforded "special protection" under international humanitarian law as a result of their specific humanitarian function, and parties to a conflict must take additional, specific measures prior to targeting such objectives. Throughout the entire Syrian conflict, in no instances has the Commission documented that pro-Government forces ever gave warning prior to attacking hospitals or medical units. Such attacks constitute the war crime of intentionally targeting protected objects.

IV. Medical evacuations

28. Until the initial closures of tunnels in February, only about 80 patients out of 700 estimated to be in need were able to leave eastern Ghutah to obtain treatment in Damascus city. Those who left fell into two categories: one group were patients, such as those in need of open-heart surgeries, who could only obtain treatment in Damascus as it was the only city with the required specialists. The second group were patients, including those requiring dialysis, who could be treated in eastern Ghutah were it not for the fact that siege conditions prevented the required medication and equipment from reaching those in need. In both groups, specific difficulties were faced by men and women. Men under the age of 42 risked being conscripted by Government forces once they reached Damascus city. Further, if a husband left for treatment, life for his wife and children became increasingly difficult. Women and girls in need of medical care faced additional challenges as armed groups in eastern Ghutah only allowed them to travel if accompanied by *mahram* (male guardian). In practice, this meant that a seat for evacuation that could have been taken by another patient was instead used for the *mahram* who did not medically need it.

29. After the complete closure of tunnels in May, all movement of patients was halted, leading to a desperate situation for those sick and wounded. Healthcare practitioners reported that the closure of tunnels led to shortages of medical equipment and medication, which — compounded by malnutrition — exacerbated existing medical conditions for countless civilians.

30. By early October, an estimated 368 patients, including 101 women and 48 children, required urgent medical evacuation. Among them were two girls under the age of three, one requiring heart surgery and the other chemotherapy. Requests for evacuations were submitted to the Syrian Arab Red Crescent (SARC) and followed a heavily bureaucratic process including having to go through the Ministry of Foreign Affairs, the Ministry of Health, and obtaining authorisation by all parties controlling checkpoints along the route patients needed to take. In October, a woman and 14-year-old girl were taken to Damascus for treatment but reportedly only because they were exchanged for a member of Faylaq al-Rahman. Another four patients were reportedly evacuated in October.

31. By December, the number of patients requiring evacuation had risen to 529. In an attempt to assist the gravest cases, 29 patients with severe injuries and chronic diseases were selected for immediate evacuation. While waiting for evacuation, at least two children died, and nine men refused to leave eastern Ghutah because they feared being arrested by Government forces. Their names were replaced with those of other patients. Requests to pro-Government forces for guarantees that patients would not face reprisals went unanswered. Between 26 and 28 December, 29 patients were evacuated to Damascus in exchange for a number of civilians held by armed groups in Douma (see A/HRC/36/55, paras. 46–48).

V. Conclusion

32. Entering its fifth year, the siege of eastern Ghutah has been marked by increasingly cynical means and methods of warfare, which have led to the worst documented cases of malnutrition over the course of the Syrian conflict. Characterised by pervasive war crimes, including the use of prohibited weapons, attacks against civilian and protected objects, starvation leading to severe acute malnutrition, and the routine denial of medical evacuations, the siege of eastern Ghutah continues to primarily affect the hundreds of thousands of civilians subsisting in the besieged enclave. The Commission has thoroughly documented how all parties to the conflict use siege warfare in order to erode the viability of life under the control of opposing sides, in an attempt to compel surrender (see A/HRC/36/55, para. 18). On the part of armed groups operating in eastern Ghutah, concerted, indiscriminate attacks using unguided mortars continue to kill and injure dozens of civilians in Government-held Damascus city.

Annex III

Internally displaced persons

1. Beyond civilian casualties and destruction of civilian property wrought by campaigns to combat and ultimately defeat ISIL in Raqqah and Dayr al-Zawr,¹ aerial and ground operations during the period under review triggered one of the single largest waves of internally displaced persons since the inception of the conflict. By June, tens of thousands of Syrian men, women, and children from Raqqah and Dayr al-Zawr began perilous journeys to escape both locales by crossing active frontlines and risking landmines, only to relocate to desert camps administered by the SDF in northern Raqqah and Hasakah governorates. The total number of displaced persons who fled Raqqah and Dayr al-Zawr since July stands at over 319,000 individuals — comprising at least 90,000 from Raqqah, and at least 229,000 from Dayr al-Zawr.

2. Beginning in May, the SDF, Asayish (Kurdish civilian police), and Kurdish military intelligence employed a systematic vetting procedure to assess the threat of all individuals fleeing Raqqah and Dayr al-Zawr for possible connections to ISIL. Tens of thousands of individuals who fled clashes were required to cross checkpoints and register in SDF-controlled camps for vetting, where SDF confiscated every encamped individual's identification documents (national card, family booklet, and/or passport). SDF initially established three emergency transit points where displaced persons transferred through prior to being sent on to larger camps: two are located in southern Hasakah (al-Karama and al-Shadadi camps), and one northwest of Raqqah city (al-Twehnah camp).

3. As hostilities increased so too did the rate of internally displaced persons, whereupon four larger, informal camps/managed sites administered by SDF began receiving hundreds of daily new arrivals. These camps currently host approximately 20,000 internally displaced persons in each, totalling at least 80,000 individuals. They are scattered throughout desolate areas in Kurdish-held northern Syria, and located in al-Sad near Arisha, and Mabrouka village (Hasakah), and Ain Issa Cotton Factory and Slouk village (Raqqah).

4. Through the use of road closures, checkpoints, and the requirement of transit permits, SDF created a coercive environment whereby Syrians displaced from Raqqah and Dayr al-Zawr who fled north were left with no choice but to transit through camps, amounting to *de facto* detention from the moment of capture. Many were driven to the camps in pickup trucks by armed SDF, while those able to find and pay smugglers evaded the vetting process. During the reporting period, conditions throughout all camps failed to meet satisfactory conditions of shelter, hygiene, health, safety, and/or nutrition.² SDF soldiers further regularly extorted money from internally displaced persons in exchange for food, water, and for returning their identification documents to leave the camps. Though located primarily in the Syrian desert, the advent of winter has rendered encamped internally displaced persons more vulnerable to exploitation and abuse.

A. Conditions in camps of internally displaced persons

5. Displaced persons in al-Sad, Mabrouka, and Ain Issa Cotton Factory camps frequently reported a lack of even the most basic resources in each, though to varying degree. In al-Sad (Hasakah), some internally displaced persons recalled sleeping on the desert soil upon arrival because no tents were provided to them. Those in need of medical treatment often were not granted medical evacuations to a city hospital in Hasakah unless they could pay SDF camp authorities. One encamped civilian described only witnessing a physician onsite when children required care. At times, access to food was limited to one loaf of bread per day.

¹ See A/HRC/37/72, paras. 36–41 and 50–56.

² Guiding Principles on Internal Displacement, United Nations Economic and Social Council, E/CN.4/1998/53/Add.2, 11 February 1998 [hereinafter “UN Guiding Principles”], at Introduction 3(c), and Principles 18–19.

Access to water was also limited, with one 20-litre tank distributed per day per family, which had to be rationed for cooking, drinking, and sanitation.

6. On 22 October, civilians in al-Sad camp organised a protest against SDF, hoping their demonstration would allow them to leave. The protest was ultimately quelled after SDF soldiers fired their guns into the air. Ultimately, once vetted, some internally displaced persons were still forced to pay \$100 to exit al-Sad camp. One family was forced to pay \$100 per vehicle to leave, even though the SDF administration lost their identification documents. The same family was unable to depart towards Kurdish-held areas, and was instead diverted by SDF towards northern Idlib. There, displaced for the second time, they were met again by tents in the winter.

7. Equally inadequate living conditions were echoed by civilians in Mabrouka camp, located in Ras al-Ayn countryside (Hasakah). There, internally displaced persons recalled a lack of access to sufficient food, water, and medical care, though tents, mattresses, and blankets were distributed to new arrivals. Additional water had to be purchased, with 20 litres costing over \$9 USD. Some civilians spoke of the water being unpotable and causing diarrhoea in children. One family recalled being given only four cans of sardines upon arrival. In order to cook, they were forced to burn their clothes to maintain fires, while other families lacked the means to purchase prohibitively expensive food sold by SDF soldiers.

8. Mabrouka camp further lacked sanitary latrines, which prompted open defecation and exposure to infectious disease. In numerous instances, no doctors were onsite, and internally displaced persons recalled being placed under the care of paramedics whose medical assistance was limited to dispersing paracetamol. Expectant mothers in Mabrouka were left particularly vulnerable, as the camp lacked specialised maternity care. Only those women who could afford to pay SDF authorities were taken to a nearby hospital to deliver, while those who could not delivered babies on unhygienic campgrounds with the support of other displaced women. As in al-Sad, civilians in Mabrouka camp also organised a protest against deplorable living conditions on 15 December.

9. Some internally displaced persons in Mabrouka explained how SDF targeted certain families for forced conscription, while those who did not have sons were reportedly made to pay \$300 USD to SDF soldiers. Numerous interviewees described Mabrouka camp as being akin to a “prison”, with complete restrictions on movement and no possibility to receive visitors. One encamped civilian, unable to wait out his vetting, paid \$68 USD to an SDF member in order to obtain a “departure permit”, while others paid up to \$100 USD each.

10. Equally inadequate living conditions were reported by civilians who transited through Ain Issa Cotton Factory camp (Raqqah). There, civilians recalled how one loaf of bread was sold to them by SDF members for \$3 USD. Owing to living conditions inside the camp, specific pathologies emerged including diarrhoea and skin disease. On 24 August, the SDF officially admitted to “a very large shortage of medical staff, medicines, and teachers” at Ain Issa.³ On 27 August, the SDF further conceded unsatisfactory living conditions when it announced a fumigation campaign to deal with “the problem of snakes, scorpions, and poisonous desert animals” at the camp, which it noted posed a particularly harmful threat to children.⁴ Women and girls were also particularly affected due to a lack of adequate latrines, with many recalling having waited until dark to relieve themselves in open areas due to fears of assault, humiliation, as well as the cultural sensitivity of using a latrine which was also being used by males.

11. Civilians further lamented the camp’s desolate location by recalling limited mobile network signals, which inhibited their ability to communicate with family. On the rare occasion journalists were admitted to Ain Issa, they were required to interview encamped residents in the presence of an SDF escort.

³ FORCES SYRIA DEMOCRACY, *Ain Issa Camp Under Microscope*, available at www.sdf-press.com/en/2017/08/ain-issa-camp-under-microscope.

⁴ FORCES SYRIA DEMOCRACY, *Insecticide Spraying Campaign Inside Ain Issa Camp*, available at www.sdf-press.com/en/2017/08/insecticide-spraying-campaign-inside-ain-issa-camp.

B. Internment by Syrian Democratic Forces

12. All individuals who fled from Raqqah and Dayr al-Zawr were forced to reside within fenced, camp-like sites in al-Sad, Mabrouka, and Ain Issa while their identification documents were assessed for individual vetting. Families with identifying documents issued by ISIL were disproportionately affected however, as SDF authorities did not recognise these documents as legitimate which led to more prolonged vetting periods. The transit time for vetting procedures averaged between a few days to eight weeks, though internally displaced persons were not made aware any details of the underlying process. Once cleared, only those individuals or families who were able to locate a *kafil* or “guarantor” in Kurdish-held areas were authorised to leave the camps towards those areas. Similar requirements of “guarantors” were imposed for onward movement towards FSA-held Jarablus (northern Aleppo). The desolate locations of camps and confiscation of mobile phones by SDF soldiers in some camps complicated opportunities to secure a “guarantor” for many internally displaced persons. Many others had no choice but to head west towards Idlib, while SDF have forced some families to return to Raqqah and Dayr al-Zawr after landmine clearances.

13. Internment, or administrative detention, for the purposes of vetting civilians believed to pose a security threat may only be justified when absolutely necessary to address “imperative reasons of security”,⁵ and a case-by-case evaluation must take place in relation to every individual prior to detaining him or her. The internment of civilians may not be used solely for interrogation or intelligence gathering. All internees must have been informed promptly, in a language he or she understood, of the reasons for internment, and all had the right to challenge, with the least possible delay, the lawfulness of his or her detention in these camps. The review of lawfulness of internment must be carried out by an independent and impartial body.⁶

14. The threat of ISIL attacks against Kurdish-held areas was exemplified on 3 May, when ISIL militants attacked Rajm as-Salibi camp (Hasakah) just before dawn, killing at least 30 civilians including women and children. Similarly, on 12 October, ISIL militants detonated two vehicle-borne improvised explosive devices at Al-Malha checkpoint in Abu Fas village, bordering Hasakah and Dayr el-Zawr, where approximately 7,000 internally displaced persons were gathered for initial SDF screening. The suicide attack killed 40 internally displaced persons, including women and children, and injured dozens of others. Several suspected ISIL terrorists have since been identified as a result of SDF-run vetting. The SDF is currently detaining nearly 1,400 “terrorist” fighters, primarily ISIL militants identified as such, including hundreds of foreign fighters from up to 30 countries.⁷

15. Irrespective of this threat, the blanket internment of all civilians from Raqqah and Dayr al-Zawr cannot be justified by SDF. Among those civilians currently interned are women, children, elderly, infirm, disabled persons, and others who did not represent an imperative security threat and whose continued detention is manifestly unnecessary on any grounds. In many instances, the on-going internment of these individuals amounts to arbitrary deprivation of liberty, and therefore the unlawful confinement of tens of thousands of individuals.⁸

⁵ The Commission concurs with the International Committee of the Red Cross that “both customary and treaty international humanitarian law contain an inherent power to intern”, and considers “imperative reasons of security” the permissible grounds standard applicable to situations of non-international armed conflict. *See, e.g.,* INTERNATIONAL COMMITTEE OF THE RED CROSS, *Commentary of 2016, Article 3: Conflicts Not of an International Character*, at para. 728, available at www.ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/Comment.xsp?action=openDocument&documentId=59F6CDFA490736C1C1257F7D004BA0EC.

⁶ *Ibid.* at para. 723.

⁷ PEOPLE’S DEFENSE UNITS, *2017 Balance Sheet of War — Syrian Democratic Forces*, 3 January 2018, available at www.ypgrojava.org/2017-Balance-Sheet-of-War-%E2%80%93-Syrian-Democratic-Forces, Press Release.

⁸ As Article 3 Common to the Geneva Conventions is silent on the procedural safeguards for persons interned in non-international armed conflict, the Commission applies core human rights obligations to the SDF, an armed group exercising *de facto* control over territory in Syria and who must therefore respect the fundamental rights of persons interned in that territory. *See, e.g.,* Report of the Secretary-

16. The *de facto* Kurdish self-administration and SDF moreover sought to rely on humanitarian aid from non-governmental organisations as well as the United Nations to sustain their internment camps. The aid received however continues to be vastly insufficient to support the soaring numbers of internally displaced persons received from Raqqah and Dayr al-Zawr. Notwithstanding the lawfulness of their detention, at all times internees were entitled to conditions of detention which respected their inherent dignity. All internees further had the rights to an adequate standard of living, which includes the rights to food and water, as well as the right to health.⁹ At the very least, the minimum core of these obligations applied irrespective of the economic situation or budgetary considerations of the detaining power, and therefore the SDF could not wholly transfer these obligations onto humanitarian organisations.¹⁰ By failing to provide adequate food, water, and living conditions to any internees, SDF continue to violate these rights in Mabrouka, al-Sad, and Ain Issa camps.

17. The Commission is aware of infirm civilians from al-Sad, Mabrouka, and Ain Issa Cotton Factory camps having been granted medical evacuations only when they paid for them, while SDF actively denied urgent requests for such evacuations in certain instances. In other cases, strict bureaucratic procedures imposed by SDF prevented civilians from being able to medically evacuate when most needed. The failure to provide appropriate medical care or assistance to internees constitutes a violation of the prohibition of cruel, inhuman, or degrading treatment,¹¹ as well as the right to health. Once vetted and cleared, the additional burden of requiring all individuals and families to locate a “guarantor” prior to leaving the camps towards Kurdish and FSA-held areas constitutes a denial of freedom of movement. Finally, SDF soldiers extorting money from individuals prior to allowing them to leave al-Sad and Mabrouka similarly amounts to a denial of freedom of movement.

18. Though the responsibility to provide food, water, and adequate living conditions to persons displaced from Raqqah and Dayr al-Zawr governorates rests with the SDF authorities interning them, humanitarian organisations have played an auxiliary role to ameliorate the sizeable crisis. The presence of local and international humanitarian organisations and the impartial assistance they provide has reduced the harm interned internally displaced persons in the foregoing sites have been exposed to, though such assistance has thus far been insufficient to meet the mounting humanitarian and protection needs of tens of thousands of interned, internally displaced persons at risk.

C. Persons internally displaced from Hamah

19. During the period under review, pro-Government forces renewed offensives in Hamah, steadily attacking remaining opposition-held pockets of the governorate currently under the control of Hay’at Tahrir al-Sham and various armed groups including Faylaq al-Sham and Jaysh al-Izza. Aerial and ground offensives have thus far led to the displacement of tens of thousands of civilians from those areas: since October, hostilities in the north and north-east of Hamah led to the displacement of over 90,000 individuals, particularly those from areas under Hay’at Tahrir al-Sham control. Over 30,000 have been displaced since early November from al-Saan, Hamra, and Oqeirbat sub-districts. Civilians from Oqeirbat — an area comprising 73 villages and located 70 kilometres east of Hamah city — were primarily displaced towards northern Hamah, southern Idlib, and Atarib (Aleppo).

General’s Panel of Experts on Accountability in Sri Lanka, 31 March 2011, at para. 188, *available at* www.un.org/News/dh/infocus/Sri_Lanka/POE_Report_Full.pdf; International Covenant on Civil and Political Rights, United Nations, *Treaty Series*, vol. 999, p. 171 [hereinafter “ICCPR”], at art. 9; *see also* UN Guiding Principles, *supra* note 34, at Principle 12(1) and (2).

⁹ *See* United Nations Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners, 13 May 1977, at Rules 24–26.

¹⁰ *See, e.g., Mukong v. Cameroon*, Views, Human Rights Committee, Communication No. 458/1991, 21 July 1994, para. 9.3; *Leroy Lamey et al v. Jamaica*, Decision, IACHR, Case nos. 11.826, 11.843, 11.847, 4 April 2001, para. 203.

¹¹ *Keenan v. the United Kingdom*, Judgment, App. no. 27229/95 (ECtHR, 3 April 2001) para. 111; *Tibi v. Ecuador*, Judgment, IACtHR, 7 September 2004, para. 157; *Huri-Laws v. Nigeria*, Decision, African Commission on Human and Peoples’ Rights, Communication no. 225/1998, para. 41.

20. By mid-July, and with air support, Government ground forces and affiliated militias began advancing from the west towards Oqeirbat. Owing to the heightened intensity and frequency of attacks, many fleeing civilians gathered in Wadi al-Azib (Hamah), a desert terrain near the Salamiyah-Raqqah highway, hoping that evacuations would be facilitated. Instead, those internally displaced ended up trapped with very little food or water as Government forces blocked all roads and laid landmines surrounding both sides of the highway. Up to 10 children perished under severe living conditions in the area, including due to heatstroke, in addition to three elderly persons. By August, civilians unable to subsist in Wadi al-Azib began to risk fleeing at night. Pro-Government snipers targeted fleeing civilians, killing and injuring dozens. On 25 August alone, pro-Government snipers killed at least 70 internally displaced persons. Others were killed in landmine detonations, while up to 25 civilians were arrested by pro-Government forces and have not been heard from since.

21. Oqeirbat is now under Government control, and no civilians remain in the sub-district. Those displaced described how schools, pharmacies, shops, and residential areas were all but destroyed by aerial and ground attacks. Some came to know that pro-Government militias looted their homes, or set fire to them in acts of reprisal. Fearing revenge attacks, civilians displaced from Oqeirbat maintained they would not return to the area even if given the opportunity. On 19 September, armed groups led by Hay'at Tahrir al-Sham launched a large-scale offensive on Government-held areas north of Hamah city, with pro-Government forces' counteroffensives having since killed and injured dozens. On 26 September, in al-Sheikh al-Hilal village, a pro-Government forces ground attack reportedly killed over 60 internally displaced persons, and injured many more. On the night of 12 November, the Syrian Expatriate Medical Centre in al-Jezdaniya, eastern Hamah countryside, was destroyed in an airstrike. While no civilians were affected, an ambulance centre endured severe material damage, and vital medical supplies were damaged. Pro-Government forces continue to deliberately target medical infrastructure as part of a warring strategy, constituting the war crime of intentionally targeting protected objects. Deliberate attacks against ambulances further amount to the war crimes of intentionally attacking medical transport. At the time of writing, fighting in Hamah rages on.

Annex IV

Erosion of civilian infrastructure

1. Since the inception of the conflict in the Syrian Arab Republic, attacks against civilian and protected objects have been a near constant feature, in violation of international humanitarian law. Places of worship, civil defence centres, homes, bakeries, markets, and to a lesser extent, schools, have regularly been made the object of attack by all warring parties.

A. Hospitals

2. On 19 September, pro-Government forces launched an aerial attack against al-Rahma hospital in Khan Sheikhoun (Idlib), where around 80 patients were being treated. Al-Rahma is a “cave hospital” on the outskirts of Khan Sheikhoun, which was previously attacked on 4 April while treating victims of a sarin attack carried out by Government forces (A/HRC/36/55, annex II, paras. 17). Between approximately 10:00 and 10:15 a.m., two airstrikes were launched; though the first did not cause extensive damage, the second struck the hospital’s entrance, completely destroying an ambulance reception area, as well as three ambulances. The strike also hit the warehouse of the hospital, causing a fire, and damaging vital trauma unit equipment. As jets continued to circulate, rescue efforts were put on hold for a further ten minutes until clear skies could be confirmed. Witnesses recalled noticing an unusual number of flights over Khan Sheikhoun that morning, and therefore evacuated the hospital in anticipation of a possible attack. As such, no casualties were endured. At 3:00 p.m., a primary care clinic in Khan Sheikhoun was also attacked.

3. The walls of al-Rahma cave further cracked due to the force of the blasts. Images and video footage of the aftermath of the attack show widespread bomb damage from blast weapons of varying sizes, including the tail section of an unguided OFAB 100-120 blast bomb, consistent with bombs used by both the Syrian and Russian air forces.

4. On the same day, just before noon, pro-Government forces launched an aerial attack against al-Rahman Charity Hospital, an obstetrics hospital in Tah village (Idlib). Approximately 30 individuals were present at the hospital at the time, including 12 in-patient children receiving treatment and whom their mothers were accompanying. Six babies were in incubators, while an additional 40 patients remained outside receiving clinical services.

5. The first bomb damaged the south-eastern corner of the hospital, which served as a children’s ward, and further destroyed a section for incubators. The second-floor extension to the hospital collapsed, while a pharmacy including medicine stocks were severely damaged. Generators and electricity supplies also sustained severe damage. Outside, one ambulance and two private vehicles were damaged. Photos of remnants indicate that the airstrikes were carried out using multiple blast weapons, and the damage sustained is consistent with unguided OFAB aerial bombs used by both Syrian and Russian forces.

6. Approximately ten minutes before the airstrikes took place, staff at the hospital received warnings of a possible attack from a civilian observatory, and were able to evacuate the vast majority of staff and patients. One female hospital cleaner was immediately killed as a result of the attack, however, and the hospital’s male administrative manager suffered an arm injury.

B. Schools

7. On the night of 20 to 21 March, at approximately 11 p.m., an airstrike hit the Al-Badiya school in Al-Mansoura (Raqqah) killing at least 150 persons. Al-Badiya school, located approximately 1.5 kilometres from the village, was a large, isolated, three-storey building, save for a few houses and tents in the vicinity. The area was controlled by ISIL at the time. During a briefing of journalists on 28 March, the Combined Joint Task Force (CJTF)

of the international coalition took responsibility for the strike noting that it had targeted 30 ISIL fighters using the school, and that it could not corroborate the allegation that internally displaced persons used the school.¹ On 7 July, the Task Force announced that, upon further review of available information, it assessed there was insufficient information to find that civilians the strike harmed civilians.²

8. The Commission initially reported on this incident in July 2017 (see A/HRC/36/55, para. 79). As part of its investigation, it conducted 20 interviews with survivors, relatives of victims, rescuers, village residents, and individuals onsite after the airstrikes. Interviewees all explained that, since 2012, Al-Badiya school housed internally displaced families from Palmyra (Homs), al-Sukhna (Homs), al-Qaryatayn (Homs), al-Khafsa (Aleppo), Maskanah (Aleppo), al-Bab (Aleppo), and Hamah countryside. Some of the residents were recent arrivals while other internally displaced persons had been living in the school for years. More than 200 people were estimated to be living in the school at the time of the airstrike, of which only a few survived. One-hundred and fifty bodies were retrieved from the site though others remained under the rubble as, three days after the airstrike, on 24 March, ISIL prevented rescuers from continuing searches.

9. Of the more than 200 residents at the school, only 12 survivors were identified by the Commission, and several of them sustained serious injuries such as severe burns and the loss of limbs. Survivors reported being blasted through windows during the explosions and landing outside of the school, which saved them from being crushed under the rubble. The vast majority of survivors were women and children, namely four women and six children, the youngest a 10-month-old baby. Interviewees identified the fatalities they knew personally, the majority of them relatives. These included eight women, one of whom was in the final stages of pregnancy, and 21 children, all but one under the age of 11.

10. The school was hit by three airstrikes, each using multiple bombs that destroyed most of the building rendering it uninhabitable. Photos provided by interviewees show evidence of a massive airstrike, and multiple impacts from aerial bombs show delayed fuzing aimed at bringing down the entire building. Photographs of remnants also show fragments of Hellfire missiles, which the Commission has previously documented being used by the international coalition to target survivors of airstrikes (see A/HRC/36/55, para. 57). While many interviewees said that they did not see ISIL members in the school, one survivor who arrived at the school days before the strike said that his family was registered by an ISIL member shortly after moving in, but that the fighter did not reside in the school. Initial information that two families of ISIL fighters had lived in the school but left one month before the strike has not been corroborated (see A/HRC/36/55, para. 79).

11. Information gathered by the Commission does not support the claim that 30 ISIL fighters were in the school at the time of the strike, nor that the school was otherwise being used by ISIL. Rather, the status of casualties and nature of Al-Badiya building is widely divergent from the international coalition's assessment. Information that residents of the school were internally displaced families, including a large number of women and children, and that the school had been used to shelter internally displaced persons since 2012 should have been readily available to the coalition's targeting team. The Commission therefore concludes that the international coalition should have known the nature of the target and failed to take all feasible precautions to avoid or minimize incidental loss of civilian life, injury to civilians and damage to civilian objects, in violation of international humanitarian law. The subsequent investigation conducted by the international coalition should have been able to identify the high number of civilian casualties resulting from this incident.

¹ News Transcript, Department of Defense Briefing by Gen. Townsend via Telephone from Baghdad, Iraq, 18 March 2017, *available at* www.defense.gov/News/Transcripts/Transcript-View/Article/1133033/departments-of-defense-briefing-by-gen-townsend-via-telephone-from-bagdad-iraq.

² Combined Joint Task Force — Operation Inherent Resolve Monthly Civilian Casualty Report Release No: 17-258 July 7, 2017, *available at* www.centcom.mil/MEDIA/PRESS-RELEASES/Press-Release-View/Article/1239870/combined-joint-task-force-operation-inherent-resolve-monthly-civilian-casualty.

12. In the latter half of 2017, pro-Government forces began a concerted campaign to decimate schools throughout Aleppo countryside, which were located in a militarily strategic area leading up to Abu al-Duhur airbase (Idlib) and the railway connecting Aleppo and Damascus. On 26 September, at approximately 12:30 p.m., about 15 minutes after all children had been dismissed from classes, pro-Government forces launched a series of airstrikes against Tanatya school in Knater village, Atarib, where nearly 4,000 civilians reside. Up to 11 aerial attacks were carried out over the span of one hour, striking Tanatya school and the surrounding residential area. Tanatya school teaches children in grades 1 to 9 in two buildings, though one was completely damaged as a result of the attack. Students, many of them severely traumatised, have since been relocated to the remaining building.

13. The next day, on 27 September at 2:00 a.m., pro-Government forces carried out an aerial attack against the Baraem al-Thawra school in Batbo village (Aleppo). As an all-girl school, Baraem al-Thawra teaches hundreds of female students in grades 1 to 9. No civilian casualties occurred as the attack took place after midnight. The school included six classrooms, four of which were completely damaged. One individual who went to assess the damage described how a “missile” had entered through the roof and caused a crater two metres in depth. The attack led to the near-complete destruction of the school, rendering it completely out of service. Windows of nearby homes were also shattered by the blasts. A non-governmental organisation and a Free Syrian police station engaging solely in civilian matters are located near the site of Baraem al-Thawra school.

14. On the night of 6 November, at approximately 9 p.m., pro-Government forces attacked the Tel Aldaman secondary school in Monbetah village (Aleppo). Prior to the attack, approximately 200 students, aged six to 16 years, attended the school, which was located on a compound that further comprised a training centre for teachers. Witnesses described how the attack rendered the school and training centre completely out of service, and how this and similar attacks have crippled both students and their families with fear; of the village’s 200,000 original inhabitants, only approximately 10,000 remain. The premises of the school were reportedly attacked again in an airstrike carried out ten days later.

15. Pro-Government forces further carried out at least five separate aerial attacks against three schools in Aleppo in December. On 4 December, in Sumeiryra village, 45 kilometres south of Aleppo city, pro-Government forces attacked the eastern and western schools in Has compound shortly after 9:00 a.m. Images of the aftermath show remnants of an RBK-250 cluster bomb containing sub-munitions. No students were present during the attack, though approximately 30 teachers had gathered to collect their salaries. It is unclear whether pro-Government forces were aware of the presence of civilians at that time, as the announcement for salary collections was transmitted to teachers digitally the day prior. One female teacher and two male teachers sustained minor injuries. The use of cluster munitions in civilian populated areas is inherently indiscriminate (given their typically wide dispersal pattern and high dud rate, which continues to endanger civilians years after a cessation of hostilities), and therefore prohibited by customary international humanitarian law. For this reason, their use by pro-Government forces in Sumeiryra village constitutes the war crime of indiscriminate attacks in a civilian populated area.

16. On 6 and 7 December, pro-Government forces launched an aerial attack on Bayaiya primary school in Tel Aldaman. Airstrikes were carried out at 11:00 p.m., and again shortly after midnight the following day. More than 150 children in grades 1 through 6 attend Bayaiya primary school. The school further hosted an internally displaced husband and wife couple, though neither was injured. The building sustained physical damage, though continues to operate.

17. Similarly, on 9 December, at 9:20 a.m., airstrikes carried out by pro-Government forces hit a private school in al-Hanouteh village (Aleppo). Unlike the foregoing attacks, children were present on the morning of the attack, and a few children were mildly injured as a result. The school was partially damaged, and reportedly attacked again in an airstrike at 3:00 a.m. the following morning.

18. Repeated bombardments, lack of warnings, and the absence of military objectives in and around all schools strongly suggest pro-Government forces intentionally targeted them as part of a strategy to force dissenting communities to leave by rendering their

neighbourhoods uninhabitable, amounting in each instance above to the war crime of intentionally attacking civilian objects.

C. Markets

19. A pattern of attacks affecting crowded market places continued during the reporting period (see A/HRC/28/69, annex II, paras. 2–8, A/HRC/30/48, paras. 34–35, A/HRC/31/68, para. 77). For example, on 13 November, minutes after 2 p.m., a series of airstrikes hit the main market, surroundings houses, and the Free Syrian police station of Atarib (Aleppo). The impacted sites covered an area 250 meters long, with the police station being adjacent to the market. One commercial street was all but flattened by the attack. Based on satellite imagery, an area of approximately 5,000 square meters was damaged or destroyed. The airstrikes killed at least 84 individuals including 6 women and 5 children, and injured around another 150.

20. The population of Atarib, estimated at 30,000 inhabitants in 2011, has grown substantially in recent years as many internally displaced persons from previously besieged areas were forced to leave their homes and settled there. Atarib market, previously hit by airstrikes in April 2014 and July 2016, is itself located in a densely populated area. In addition to shops, restaurants, commercial offices and family homes, two schools operate from a building located 100 meters from the market, where an estimated 450 children were attending classes when the airstrikes were carried out.

21. Being located in western Aleppo governorate, Atarib was part of zone 1 of the de-escalation zones memorandum agreed in May and implemented in September by the three guarantors of the Astana talks, Russia, Iran and Turkey. The main Russian news outlets did not report on the events as they normally do. Yet, on the same day of the strikes, the spokesperson of the Humaymim airbase denied on social media that Russian aircraft committed a massacre in Atarib.³ Humaymim airbase is located in Ladhikiyah, approximately 160 kilometres from Atarib, and used exclusively by Russian forces. A few hours after the airstrikes, media reports claimed that a meeting between Hay'at Tahrir al-Sham and Nour al-Din al-Zinki took place in Atarib on 13 November.

22. Interviewees, video footage, and photos indicate that it was a clear day. Eyewitnesses saw one aircraft flying at high altitude. In less than ten minutes, the aircraft conducted three waves of airstrikes dropping two weapons in each. Interviewees consistently said that the aircraft remained at high altitude while conducting the strikes and that they received no warning that airstrikes were imminent. On the contrary, interviewees recalled that there had been no airstrikes in Atarib since the de-escalation zones agreement and that they had no reason to believe the town would be targeted.

23. The weapons destroyed the police station and killed at least 13 police officers and six detainees. One survivor who was pulled from the rubble described how the first explosion penetrated the roof of the police station all the way to the ground floor. Some four minutes later another weapon hit the area destroying a three-storey building. A third weapon hit the vicinity of the police station but did not explode. Interviewees denied that the police station was associated with armed factions and maintained it dealt with civilian related matters including acting as traffic police. None of the information gathered suggests that the station was used for military purposes or that any of its officers actively participated in hostilities although some officers carried light weapons. Therefore, the station and the officers remained civilian and were not lawful military objectives.

24. According to local residents and shop owners, the third wave of strikes directly hit a market street killing and maiming civilians and destroying vegetable and clothing shops as well as nearby residential buildings. These accounts are corroborated by video footage and satellite imagery. Shop owners explained that, at the time of the attack, the market was crowded with people who had left work, most of whom were men since many women had stopped going to the market after the earlier attacks. Similarly, as is customary in the country, shopkeepers were mostly male. Due to the high number of casualties, serious cases were transferred from Atarib hospital to Bab al-Hawa hospital (Idlib). Among the approximately

³ At the time of writing, this remained the only statement by a Russian official.

150 injured were first-responders, including an ambulance driver, who was seriously injured by an airstrike while responding to the first wave of strikes on the police station. The driver died in hospital some days later, his ambulance having been destroyed in the attack. Rescue efforts continued over subsequent days. In some instances, rescuers were unable to identify the deceased because they were internally displaced persons who had moved to Atarib in recent months, including former residents of eastern Aleppo city. In other cases, identification was not possible because only body parts were retrieved.

25. While some interviewees said they only saw one aircraft — with fixed-wings at the back — others recalled seeing a second aircraft they believed to be a reconnaissance aircraft because it circled above the location while the other conducted the strikes. All information available indicates that a Russian fixed-wing aircraft that took off from Humaymim airbase conducted the strikes. Early warning observers monitored the take-off of a fixed-wing aircraft, whose pilots communicated in Russian, from Humaymim airbase at 1:37 p.m. and tracked the aircraft going south and then to the northeast all the way to Atarib where it arrived at 2:07 p.m. No Syrian aircraft were observed in the area in the two hours preceding the airstrikes.

26. As to potential military objectives, many interviewees, including shop owners and local residents, said that due to efforts by the local council, there were no armed groups present in Atarib. Others, however, claimed that — from 9 November onwards — there was on-going infighting between Hay'at Tahrir al-Sham and Nour al-Din al-Zinki in western Aleppo governorate countryside, including in Atarib, Abzemo, and Orum al-Kubra. On 11 November, civilians took to the streets of Orum al-Kubra to protest against the confrontations between the two groups. The protest was violently repressed and three children were shot dead.

27. Some interviewees claimed that there was on-going infighting between Hay'at Tahrir al-Sham and Nour al-Din al-Zinki in western Aleppo governorate. The Commission received conflicting information about a possible target, including unconfirmed reports of a meeting between armed groups and tribal elders. Analysis of the site and other information indicate that a specific location was targeted.

28. Multiple airstrikes in Atarib employed at least two types of aerial bombs — blast weapons and earth penetrators. Images and videos from the site show evidence of at least six impacts. Widespread damage is consistent with blast weapons such as the unguided OFAB-500 causing devastating surface damage that destroyed a large part of the market area. Additionally, at least one bomb carrying multiple smaller earth penetrating munitions caused several impacts collapsing multiple buildings. One entry hole was found containing an unexploded bomblet. Evidence at the scene and video evidence is consistent with a BeTAB-500 unguided “bunker buster” carrying 12 rocket-assisted penetrators. The Russian Air Force has used the BeTAB throughout Aleppo province. The impact points show that unguided bombs roughly fell in a line with a 250 m dispersion which suggests that the aircraft lined up on the target dropping weapons into an area that formed a target box rather than conducting a precision strike against the point target.

29. The likely use of unguided weapons in a densely populated area such as the one hit in Atarib raises the issue of how accurate the weapons were. Circular Error Probable (CEP) is the measure of precision for a guided bomb. It means that 50 per cent of bombs fall within a circle the size of the CEP and 50 per cent outside of it — so a weapon with a 10 m CEP will fall within 10 m half the time and farther than 10 m half the time. When precision weapons miss they usually have close misses. In contrast, unguided bombs do not measure accuracy with CEP. Their accuracy varies greatly depending on a number of factors including aircraft, altitude, speed, heading, training of the pilot, and wind.

30. Unguided bomb accuracy is not officially measured in CEP but military studies have produced estimates of their accuracy using CEP as a rule of thumb. Using visual targeting, CEP is estimated as 122 m at an altitude of 3000 m. As the altitude increases, the accuracy of unguided bombs diminishes greatly. Using an advanced targeting computer, Russian sources estimate that aircraft are able to reliably attain a 25 m CEP with unguided bombs. Even assuming that the Russian estimate that its unguided bombs have a 25 m CEP is correct, this means that 50 per cent of the weapons would fall within a 25 m CEP and the remaining

50 per cent outside of that. Using such weapons in a densely civilian populated area was certain to impact civilians.

31. All sides in a conflict must distinguish between legitimate military targets on the one hand and civilians and civilian objects on the other and use methods or means of combat that are able to be directed at a specific military objective. There is no evidence to indicate that this attack deliberately targeted civilians or the Atarib market. Through the use of unguided bombs, including blast weapons in a densely civilian populated area, however, this attack may amount to the war crime of launching indiscriminate attacks resulting in death and injury to civilians.
